

ПОГРЕБЕНИЯ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ИЗ КУРГАНА 5 ГРУППЫ «СЕВЕР» У С. ГЛИНОЕ НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ НИЖНЕГО ДНЕСТРА

Сергей Д. Лысенко, Сергей Н. Разумов, Виталий С. Сеника

Ключевые слова: Северо-Западное Причерноморье, Поднестровье, эпоха поздней бронзы, курганы, погребения, керамика, кубковидные сосуды.

Введение

Бассейн Днестра представляет собой территорию, на которой издревле пересекались культурные традиции Карпато-Дунайского региона, Великой степи и лесной/лесостепной зоны Восточной Европы. Наряду с этим, в регионе в различные периоды проявляются признаки консервации определённых культурных традиций предшествующих эпох, тесно переплетающихся с разновекторными инновациями. Для выявления механизмов таких разнокультурных взаимодействий важное значение имеет систематическое изучение конкретных микрорегионов. Одним из таких микрорегионов являются окрестности с. Глиное, расположенного на левом берегу Нижнего Днестра, в южной части Слободзейского района.

Начало раскопкам курганных памятников у с. Глиное было положено в конце XIX - начале XX века И.Я. и Л.С. Стемповскими (Гошкевич 1903, 118-129; Тельнов, Четвериков, Сеника 2016, 7). В 1982 г. исследования курганов у названного населённого пункта были возобновлены Слободзейской новостроечной археологической экспедицией АН МССР (Яровой 1984; Савва 1992, 180; Яровий, Агульніков 1995). В 1995-2023 гг. Днестровской археологической экспедицией Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (ДАЭ) у с. Глиное Слободзейского района, в бассейнах *р. Красная* (левый приток *р. Турунчук* – рукав *р. Днестр*) и ручья *Кременная Балка* (правый приток *р. Кучурган* – левый приток *р. Турунчук*), в десяти курганных группах (Глиное, «Водовод», «Дот», «Клин», «Кременная Балка», «Плавни»,

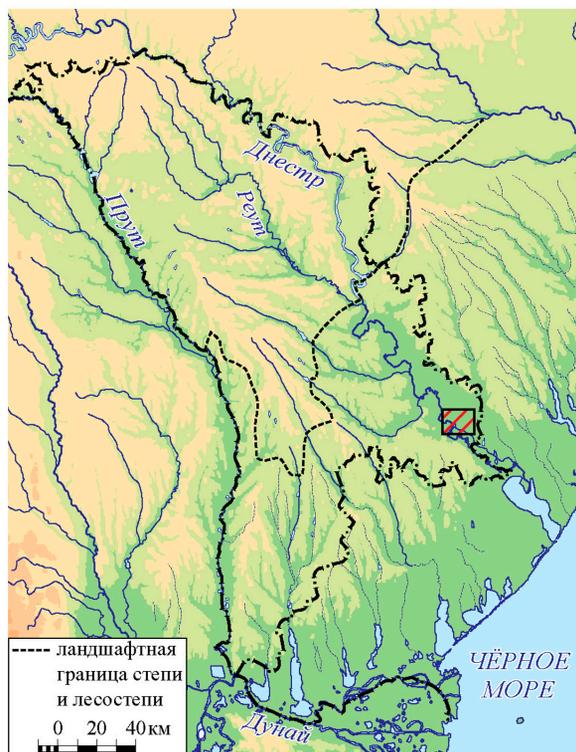
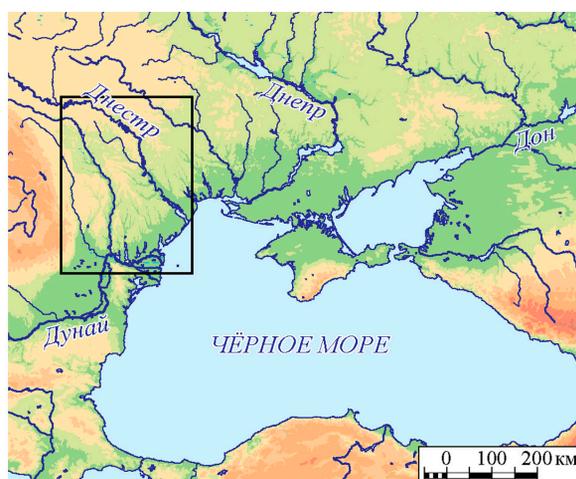

Рис. 1. Локализация комплекса археологических памятников у с. Глиное.

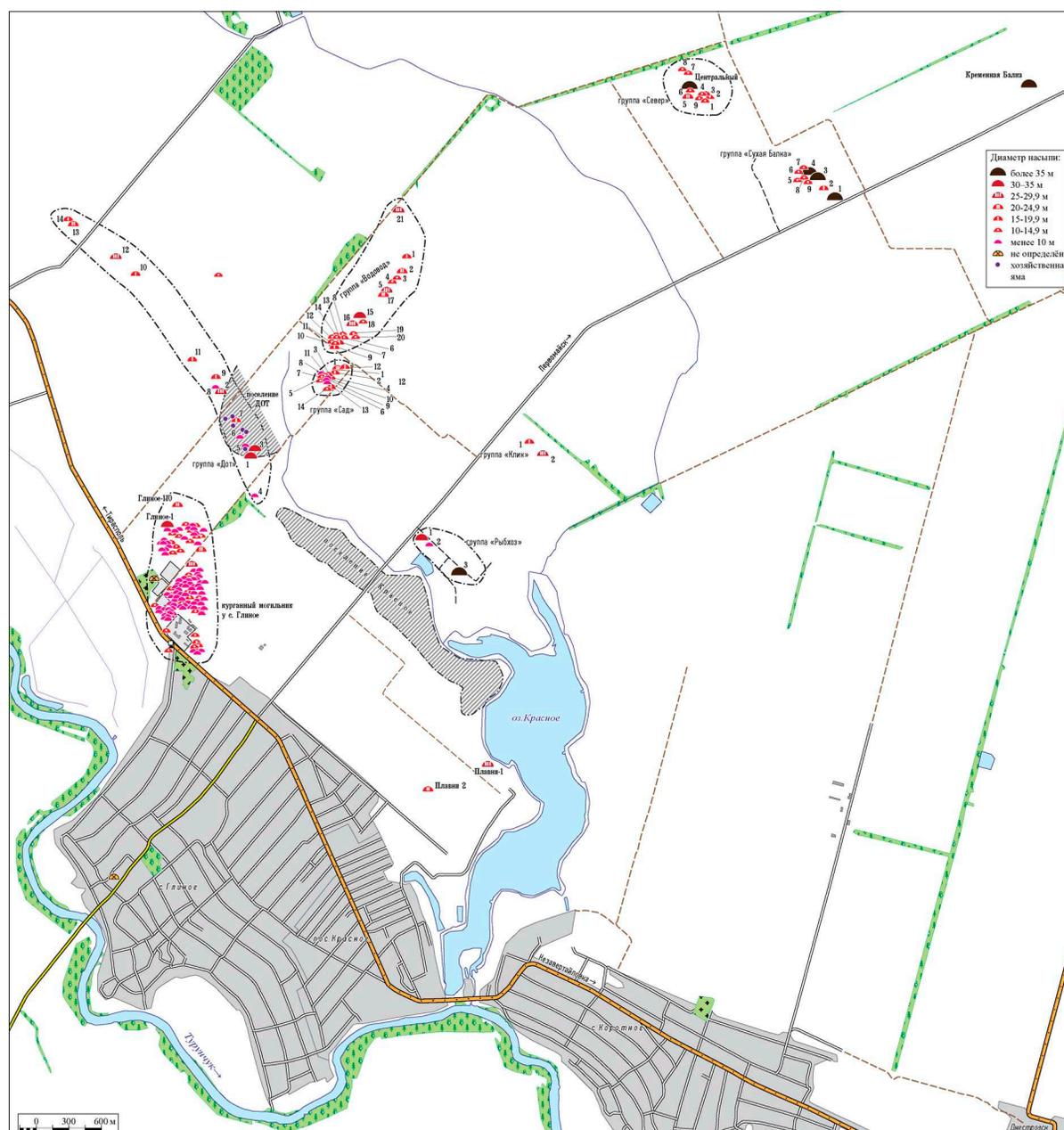

Рис. 2. Ситуационный план размещения археологических памятников у с. Глиное.

«Рыбхоз», «Сад», «Север», «Сухая Балка») было раскопано 186 курганов. Среди них 31 был возведён в позднем энеолите и бронзовом веке (преимущественно – в раннем); 26 курганов содержали погребения различных горизонтов эпохи поздней бронзы (Разумов и др. 2013; Разумов и др. 2019; 2022; Лысенко, Разумов 2014; Лысенко, Разумов 2016; Тельнов и др. 2014; Тельнов та ін. 2015; Матвишина и др. 2016; Разумов 2017; Разумов, Лысенко 2020a; 2020b; Лысенко и др. 2020; Лысенко и др. 2021; Лысенко и др. 2023a; Лысенко и др.

2023b; Лысенко и др. 2023в; Лысенко и др. 2024; Синика и др. 2021) (рис. 1; 2).

Настоящая публикация посвящена введению в научный оборот погребений позднего бронзового века из кургана Глиное/Север 5, относящихся к бабинскому и сабатиновскому времени (рис. 3-6). Для погребений получены три радиоуглеродные даты (рис. 7)¹. Все материалы публикуются впервые.

¹ Даты калиброваны в программе OxCal v4.4.4 Bronk Ramsey (2021); r:5; Atmospheric data from Reimer et al. (2020).

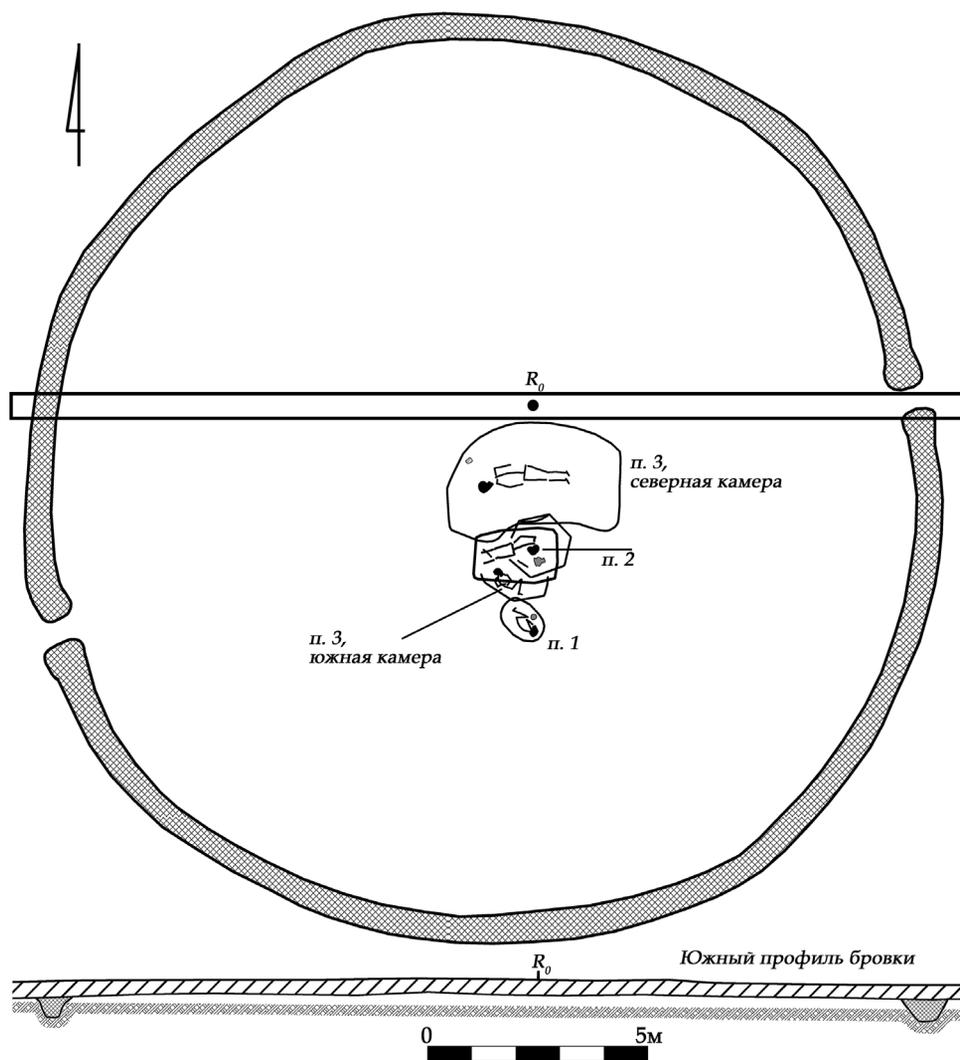

Рис. 3. Курган 5 группы «Север» у с. Глиное.

Описание памятника

Курганная группа «Север» расположена на землях с. Глиное Слободзейского района, в 6,802 км к северо-востоку (35°) от пересечения шоссе Тирасполь - Днестровск с ул. Ленина с. Глиное, на западном склоне невысокого плато, к западу от обводнённой ранее *Кременной Балки* (правый приток р. Кучурган – левый приток Днестра). Группа насчитывает не менее десяти насыпей, сконцентрированных вокруг большого центрального кургана, оставшегося неисследованным. В 2022 г. было раскопано 9 курганов (№№ 1-9); ещё 4-5 невыразительных пятен нуждаются в проверке (рис. 2).

Курган 5 (2022 г.) (рис. 3). Для проведения исследований была разбита одна бровка по линии запад–восток, шириной 0,6 м, длиной 24 м. Курган копался параллельными траншеями с использованием техники.

Курган был возведён в один приём в эпоху средней бронзы над основным катакомбным захоронением (№ 3). Позднее южнее центра кургана было впущено погребение № 1 днепро-прутской бабинской культуры. Последним в центр насыпи, перерезав входную яму основного захоронения, было впущено погребение № 2, относящееся к сабакиновскому времени. В скифское время (вторая половина IV в. до н.э.) насыпь была окружена рвом.

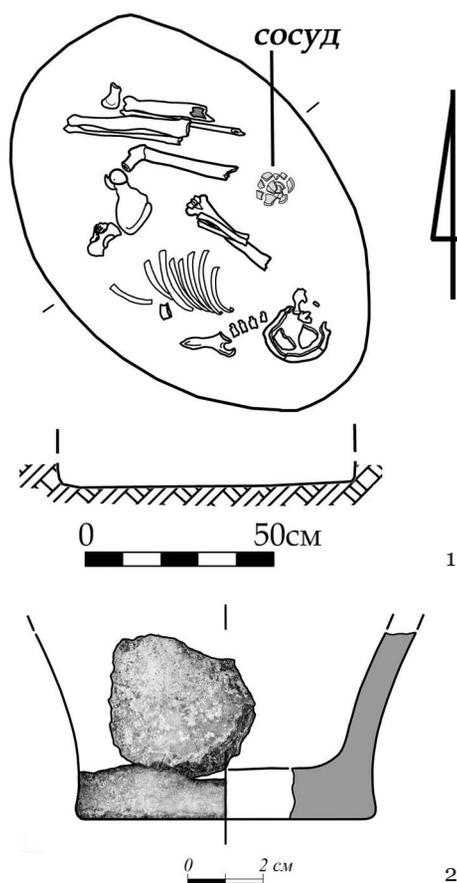

Рис. 4. Погребение 1, курган 5 группы «Север» у с. Глиное.

В настоящей публикации рассматриваются только погребения позднего бронзового века.

Погребение 1 (впускное, культурный круг Бабино) (рис. 4/1). Обнаружено в 5 м к югу от R_0 на уровне $-0,79$ м от R_0 . Погребальное сооружение, вероятно, представляло собой подбой. Входная яма не прослежена. Погребальная камера подовальной формы, размерами $1,15 \times 0,8$ м, глубиной $0,86$ м от R_0 . Она была ориентирована длинной осью по линии северо-запад–юго-восток. Скелет взрослого человека лежал сильно скорченно (степень скорченности I: углы между корпусом и бёдрами, бёдрами и голеньями $< 90^\circ$), на правом боку с разворотом на грудь, головой на юго-восток. Руки были уложены кистями перед лицом, ноги согнуты в тазобедренных суставах и коленях под острым углом, пятки у таза. У коленей находился развал *лепного сосуда* (1).

1. *Сосуд лепной высоких пропорций* (горшок или банка); сохранились фрагменты нижней части. Днище плоское, со слабо выраженной закраиной с закруглённым краем. Тесто с примесью мелкого шамота, включениями мелкого песка. Цвет чёрный, серый, бурый; в изломе – чёрный. Поверхности шероховато-заглаженные, бугристые. Диаметр днища – около 80 мм. Высота сохранившейся части сосуда – около 50 мм. Толщина стенок – 8 мм, толщина днища – 14 мм (рис. 4/2).

Радиоуглеродная дата: Ki-20653 (кость человека), 3560 ± 40 BP, 1 σ 1960-1877, 1842-1823, 1794-1780 cal. BC, 2 σ 2026-1991, 1986-1866, 1852-1769 cal. BC (рис. 7/1).

Погребение 2 (впускное, сабашиновский горизонт) (рис. 5/1). Обнаружено в 4 м к югу от R_0 на уровне $-0,86$ м от R_0 . Совершено в яме подтрапециевидной формы размерами $2,00 \times 1,15 - 0,90$ м, глубиной $1,7$ м от R_0 , ориентированной длинной осью по линии запад–восток. Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на восток-северо-восток. Правая рука была вытянута вдоль тела. Часть костей смещена норой. У левого плеча на боку лежал *лепной кубок* (1). На правом крыле таза и у левого плеча найдены фрагменты *трубчатых костей мелкого животного* (2).

1. *Чаша/кубок на ножке-поддоне*, лепная, маёвского/фёдоровского типа. Венчик короткий, отогнут наружу; край закруглён, слегка уплощён. Корпус асимметрично-биконический, с максимальным расширением в верхней трети. Ножка невысокая, полая, усечённо-конической формы; основание поддона плоское, с закруглённым внешним краем. Центральная часть днища сосуда оформлена в виде выпуклого конуса; изнутри днище плоское. Тесто с примесью шамота, включениями мелкого песка. Цвет бурый, серый, оранжевый, жёлтый; в изломе – чёрный. Поверхности заглаженные. Диаметр венчика – 163 мм; диаметр шейки – 155 мм; диаметр корпуса – 190 мм; диаметр верхней части поддона – 70 мм, основания поддона – 93 мм. Высота сосуда – 182 мм; высота венчика – 9 мм; высота верхней части сосуда – 50-52 мм; высота ножки – 18 мм. Толщина венчика – 8 мм, стенок – 8 мм. Толщина днища в центре – 19,5 мм, у кольцевого поддона – 16 мм. Тол-

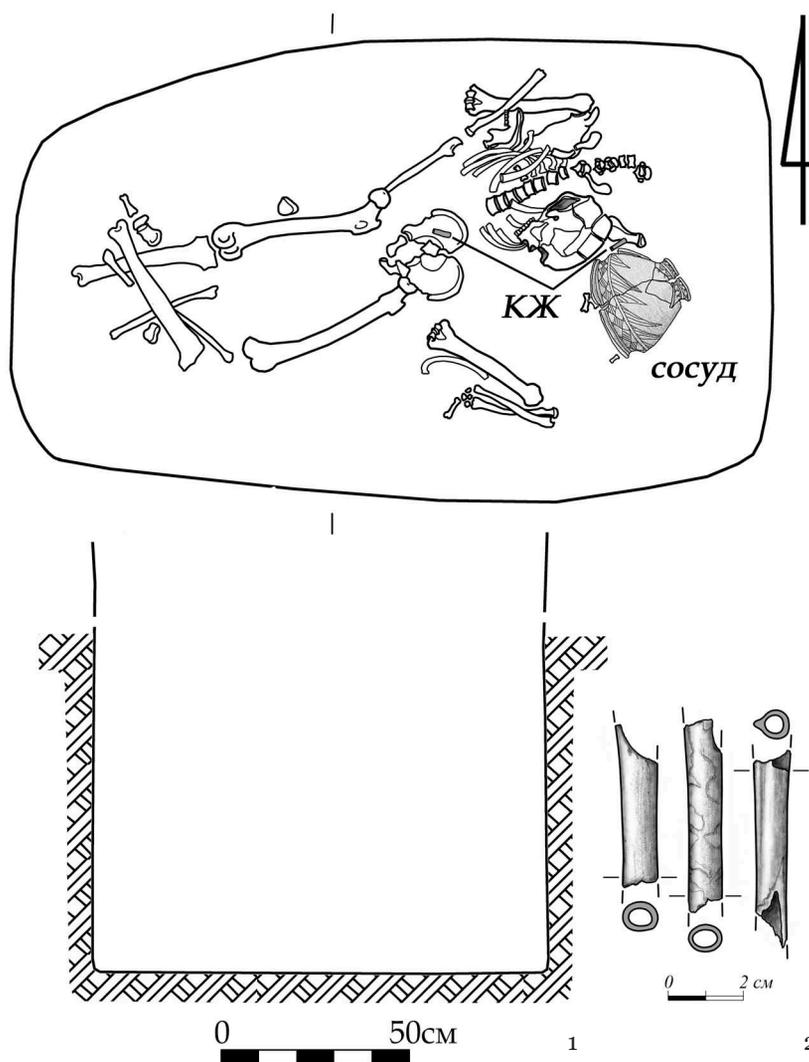

Рис. 5. Погребение 2, курган 5 группы «Север» у с. Глиное.

щина стенки поддона – 12 мм; ширина кольца основания – до 16 мм (рис. 6/1; 9/1)².

Сосуд украшен неглубокими горизонтальными бороздками, ямками и геометрическим орнаментом, нанесённым мелкозубчатым штампом (колёсиком?). На шейке сосуда и от максимального расширения корпуса вверх расположены две группы по две широкие неглубокие горизонтальные бороздки. На верхние две бороздки накладываются две горизонтальные линии, нанесённые зубчатым штампом. Плечико сосуда между бороздками украшено поясом заштрихованных

ромбов с выступающими вверх и вниз окончаниями сторон. Немного выше ребра, в незаполненном пространстве между бороздками, в ряд расположены три неглубокие круглые ямки – две рядом, а одна, правая, – с небольшим отступом. Слева от ямок, под соседним ромбом, между бороздками зубчатым штампом нанесён знак в виде наклонённой вправо буквы «N». Нижняя часть сосуда украшена только мелкозубчатым штампом. Ниже ребра под бороздками, в верхней половине нижней части сосуда, находится пояс перевёрнутых косых заштрихованных треугольников, наклонённых вершинами влево. Шейка ножки украшена двумя горизонтальными линиями. Выше их, вокруг придонной части сосуда рас-

² Предварительные прорисовки вещей из погребения и развёртки орнамента сосуда выполнены ст. лаборантом НИЛ «Археология» ПГУ К.А. Фроловой.

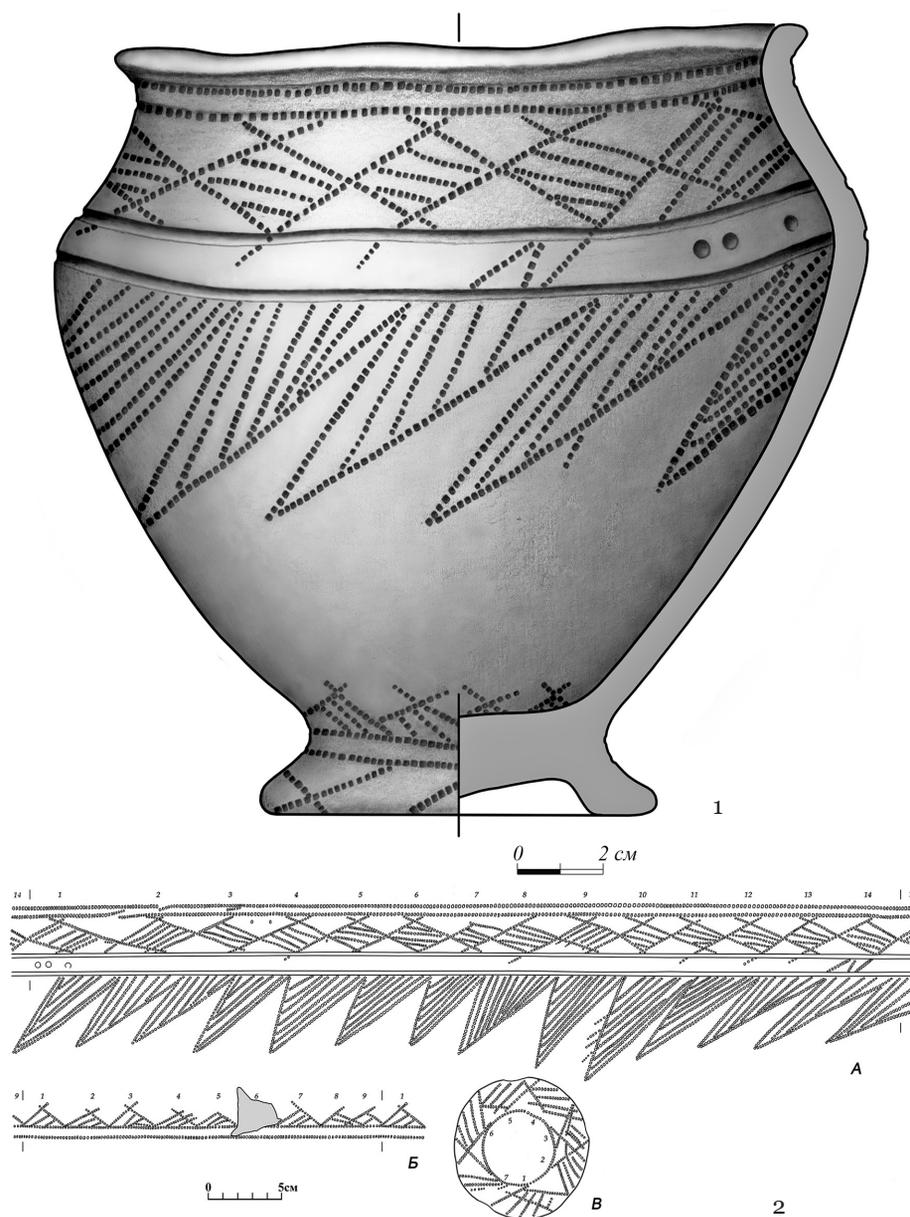

Рис. 6. Чаша/кубок на ножке из погребения 2, курган 5 группы «Север» у с. Глиное.

положен пояс заштрихованных треугольников с выступающими выше вершин окончаниями сторон. Поверхность ножки украшена неаккуратно нанесёнными, напользающими друг на друга, заштрихованными треугольниками (рис. 6/2).

2. *Фрагменты диафизов трубчатых костей мелкого животного* (3 экз.) – заготовки изделий (?). Длина – 43 мм, 51 мм и 52 мм; диаметры – 9,3×8,0 мм, 9,5×7,6 мм, 9,0×7,5 мм соответственно (рис. 5/2).

Для погребения получены две *радиоуглеродные даты*: 1) Кі-20655 (кость человека), 3130 ± 50 BP, 1σ 1492-1482, 1451-1379, 1346-1305 cal. BC, 2σ 1501-1273 cal. BC (рис. 7/2).

2) Кі-20657 (кость человека), 3180 ± 50 BP, 1σ 1502-1417 cal. BC, 2σ 1540-1374, 1352-1301 cal. BC (рис. 7/3).

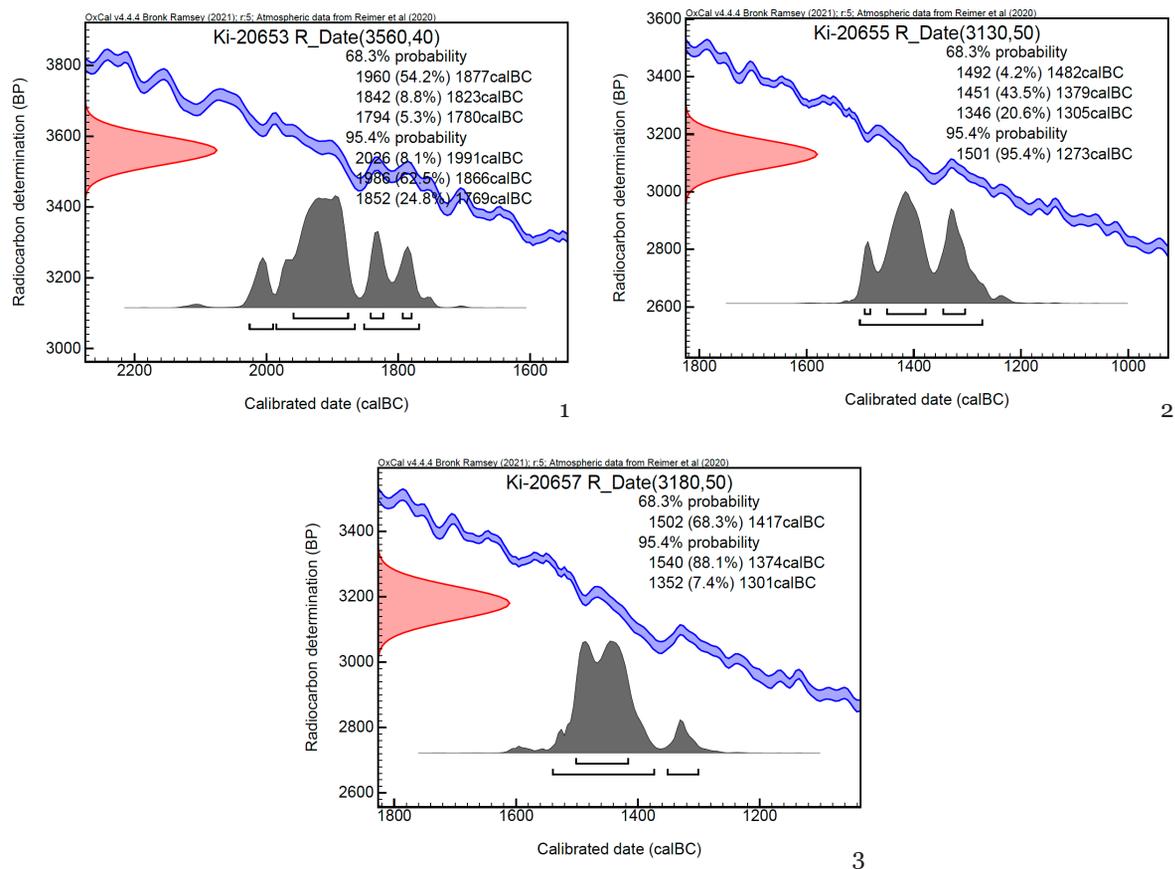

Рис. 7. Калиброванные радиоуглеродные даты погребений позднего бронзового века из кургана 5 группы «Север»: 1 - Глиное/Север 5/1 (Ki-20653); 2 - Глиное/Север 5/2 (Ki-20655); 3 - Глиное/Север 5/2 (Ki-20657).

Анализ погребального обряда

Погребение Глиное/Север 5/1³ является типичным для днепро-прутской бабинской культуры микрорегиона (Разумов и др. 2013; Лысенко и др. 2021; Лысенко и др. 2023б; Лысенко и др. 2023в; Лысенко и др. 2024). Фактически его можно рассматривать как эталонное для обрядовой группы сильно скорченных погребений, ориентированных головой на восток, с позицией кистей рук в районе головы/лица и размещением сосуда перед верхней частью корпуса. Однако сам сосуд сильно фрагментирован и невыразителен, а предполагаемая входная яма прослежена не была. Поэтому окончательную точку в культурно-хронологическом определении

данного погребения ставит радиоуглеродная дата, полностью вписывающаяся в основной интервал существования *днепро-прутской бабинской культуры* – XX-XVIII вв. до н.э. Без этой даты, при условии отсутствия чётких хроноиндикаторов, погребение было бы мало отличимо от основного массива погребений сабатиновского горизонта, как бассейна р. Красная (Лысенко и др. 2023а; Лысенко и др. 2023б; Лысенко и др. 2023в; Лысенко и др. 2024), так и всего Северного и Северо-Западного Причерноморья (Шарафутдинова 1968, 21-22; Шарафутдинова 1982, 65-74; Шарафутдинова 1986, 93; Березанская, Шарафутдинова 1985, 494; Черняков 1985, 135; Дергачёв 1986, 180; Яровой 1990, 223-224; Литвиненко 1991; Савва 1992, 48-53; Sava, Agulnikov 2003; Ванчугов 2000; 2013, 300-306; Черниенко 2014, 73-78, рис. 2; Ciobanu, Agulnicov 2016).

³ Здесь и далее по тексту числитель обозначает номер кургана, знаменатель – номер погребения; через дефис указан номер скелета в коллективном захоронении; римская цифра обозначает номер курганной группы.

Поэтому данную обрядовую группу культурного круга Бабино в Северо-Западном Причерноморье смело можно рассматривать как *протосабатиновскую*, чётко фиксирующую преемственность этой погребальной традиции в регионе.

Гораздо более редкой для погребальных традиций позднего бронзового века Северного Причерноморья является обрядовая группа вытянутых на спине погребений. Не углубляясь в нео-энеолитические истоки такого расположения тела в могиле, отметим, что наиболее широкое распространение в эпоху бронзы вытянутые на спине погребения получают в Северном Причерноморье в среднем бронзовом веке, в *ингульской культуре катакомбной культурно-исторической общности* (Братченко, Шапошникова 1985, 416; Пустовалов 2005, 35; Отрощенко 2005, 163; Иванова 2013, 263). Возможно, пережитком этой ингульской погребальной традиции является *евпаторийская группа погребений культурного круга Бабино*, распространённая в Крыму и Нижнем Поднепровье (Литвиненко 2011, 28-40) и зафиксированная также в Нижнем Подунавье – в Буджаке (Фокеев и др. 1995; Фокеев и др. 1996, 2-3, рис. 31; 33/2; 36; 38/9), на юго-востоке Румынской Молдовы и северо-востоке Валахии (Burtănescu 2002, 157-163; Vernescu 2013, pl. 14; 16). Кроме того, в курганных группах у с. Глиное на сегодняшний день обнаружено уже три подобных захоронения, которые могут быть отнесены к посткатакомбному времени (Глиное/Сад 1/14, 1/27-3; Глиное/Клин 1/2). Их можно трактовать в качестве связующего звена между рассматриваемой погребальной традицией Нижнего Поднепровья и Нижнего Подунавья (Лысенко и др. 2023б; 2024).

Вытянутые на спине погребения известны и севернее, в ареале лесостепных групп культурного круга Бабино и прилегающих к ним эпинеуровых культур (в частности, стжижовской): *Кулешовка, курган 425* (Черниговская область, Варвинский район) (Отрощенко 2001, 103-104, мал. 19/4); *Бабина Гора, погребение 1* (Черкасская область, Каневский район) (Лысенко 2003, 60-65, рис. 3); *Торчин* (Волынская область, Луцкий район) (Свешников 1974, рис. 44/2, 4); *Городок Надбужный / Gródek Nadbużny* (Люблинское воеводство, Хрубешувский повет)

шувский повет) в юго-восточной Польше (Machnik 1978, табл. XXIV/6). Широкое распространение данной погребальной традиции получил на позднеструвовых могильниках Восточной Прибалтики (Денисова и др. 1985); известен он в унетичской культуре Центральной Европы (Монгайт 1974, рис. на с. 55).

На развитом этапе позднего бронзового века в Северном Причерноморье положение скелетов вытянуто на спине становится скорее исключением. Однако данная традиция размещения тела умершего на тафологической стадии некрологического цикла (Смирнов 1997, 203) не исчезает полностью и разрозненно фиксируется в различных археологических культурах Черноморско-Балтийского региона второй четверти – второй половины II тыс. до н.э.

Серия вытянутых на спине погребений известна в лесостепной части Северного Причерноморья, на памятниках галицкой, киево-черкасской, подольской групп комаровской культуры тшинецкого культурного круга (ТКК): *Бар, курган 1 (1882 г.)* (Винницкая область, Барский район) (Sulimirski 1968, 171); *Буковна I, курган 3, объект 3* (Ивано-Франковская область, Тлумачский район) (Лысенко и др. 2015, 15-16, рис. 12/1); *Буковна I, курган 6, «домик мёртвых»* (Макарович 2019, 743-744, гус. 5-8); *Гордеевка, курган 34* (Винницкая область, Тростянецкий район) (Березанська, Ключко 2011, 32-33, рис. 64-67); *Комаров, курган 11* (Ивано-Франковская область, Галицкий район) (Swieszniak 1967, 50, гус. 2/1; Березанская 1982, рис. 12/2-7); *Малополовецкое-3, погребение 3* (Киевская область, Фастовский район) (Лысенко 1998, рис. 4/1; Kovalyukh et al. 1998, 130-140, fig. 4/33); *Чеботарка* (Винницкая область, Крыжопольский район, совр. с. Заболотное) (Козловська 1930, 31-34). Зафиксирована восточная и западная ориентация головы погребённых.

В степной зоне Северного Причерноморья количество труположений на спине (в том числе и с подогнутыми ногами), относящихся к позднему бронзовому веку, также невелико. В сводке В.В. Цимиданова по памятникам срубной культуры Северного Причерноморья учтено всего 6 погребений, исследованных в западной части рассматриваемой им территории, в которых было обнаружено положение

погребённого на спине. Во всех шести случаях ноги погребённого были согнуты в коленях (Цимиданов 2004, 62, рис. 46/3-5; 48). В.В. Цимиданов отмечает: «Существует гипотеза, что в положении на спине погребали служителей культа, но в её пользу почти нет аргументов. В одном погребении, не вошедшем в нашу сводку, был сосуд с «письменами» (Отрощенко, Формозов 1988, 167), но проблемы остальных погребений это не решает. Ясно лишь то, что данная поза – социально значимое отклонение, но непонятно, статусный это знак или ранговый» (Цимиданов 2004, 62)⁴.

На памятниках сабастиновской и белозёрской культур к западу от Днепра вытянутые на спине погребения нам не известны. Три вытянутых на спине погребения белозёрского времени зафиксированы в долине Днепра и к востоку от реки, в ареале выделенной В.А. Ромашко богуславско-белозёрской культуры: *Лукьяновка* (Херсонская область, Каховский район) (Фабрициус 1927, 8-9; Шарафутдинова 1982, 74; Ромашко 2013, 158); *Кичкас, Днепрострой (участок А)* (Запорожская область, г. Запорожье, Ленинский район) (Ромашко 2013, 162); *Осиповка, погребение 51* (Днепропетровская область, Магдалиновский район) (Беляев 1981, 68-70; Ромашко 2013, 162). Связаны ли эти погребения с угасающей в позднем бронзовом веке ингульско-евпаторийской погребальной традицией, или отражают какие-то внешние влияния завершающего этапа позднего бронзового века, например, отрадненской группы Нижнего Подонья, однозначно сказать сложно. В.В. Отрощенко отмечает: «Учитывая смену в Среднем Поволжье и Приуралье скорченного ритуала погребений на вытянутый в эпоху финальной бронзы, можно предположить, что некоторое распространение вытянутых на спине погребений на могильниках белозёрской и кобьяковской культур связано именно с влияниями лесных и лесостепных племён Волго-Уралья» (Отрощенко 2001, 189).

⁴ Под «статусом» В.В. Цимиданов понимает «социальную роль – отношение человека к отправлению определённой функции. Важнейшие функции три: военная, жреческая, производственная». «Ранг – это положение индивида или группы в социальной иерархии и общественном мнении. Обычно ранг выражается также в неравном с индивидами или группами другого ранга доступе к тем или иным ценностям» (Цимиданов 2004, 37).

В.В. Цимиданов рассматривает необычную для определённой археологической культуры позу погребённого в качестве отклонения от модели рядового погребения (Цимиданов 2004, 35). У срубных погребений Северного Причерноморья к модели рядового погребения, среди прочих признаков, относится положение скорченно на боку (Цимиданов 2004, 34). Сильно/средне скорченное положение костяков является доминирующим и для основной массы погребений сабастиновской культуры Северо-Западного Причерноморья (Шарафутдинова 1968, 21-22; Шарафутдинова 1986, 93; Черняков 1985, 135; Дергачёв 1986, 180; Савва 1992, 48-53; Ванчугов 2013, 300-306; Лысенко и др. 2003а).

Таким образом, редкость вытянутых на спине погребений для памятников позднего бронзового века, как степной, так и лесостепной зоны Северного Причерноморья, позволяет предполагать и особое отношение современников к самим этим погребённым, возможно, имевшим некий особый социальный статус. О последнем свидетельствует также находка в погребении Глиное/Север 5/2 нехарактерного для Северо-Западного Причерноморья кубковидного сосуда на ножке с восточными (андроноидными) чертами.

Сосуд из погребения 2 в контексте евразийских древностей

Кубковидные сосуды на ножке-поддоне в зоне Великой степи и прилегающих к ней регионах являются чрезвычайно редким типом керамики (Волковой 1980, 70; Колев 2000, 245). Согласно подсчётам Ю.И. Колева, проведённым на рубеже второго и третьего тысячелетий, «в настоящее время на огромной территории евразийской степи и лесостепи их насчитывается не более шести-семи десятков» (Колев 2000, 245) (рис. 8). За прошедшие два десятилетия ситуация не сильно изменилась в количественном плане, однако западная граница распространения подобных сосудов была несколько смещена к западу – сначала до Среднего Поросья (Малополовецкое-3) (рис. 8/1), а теперь и до Нижнего Поднестровья (Глиное/Север 5/2).

Первым из исследователей Северного Причерноморья, обратившим внимание на «сосуды рюмочной формы» / «горшки рюмочной формы», был В.А. Городцов, обнаруживший

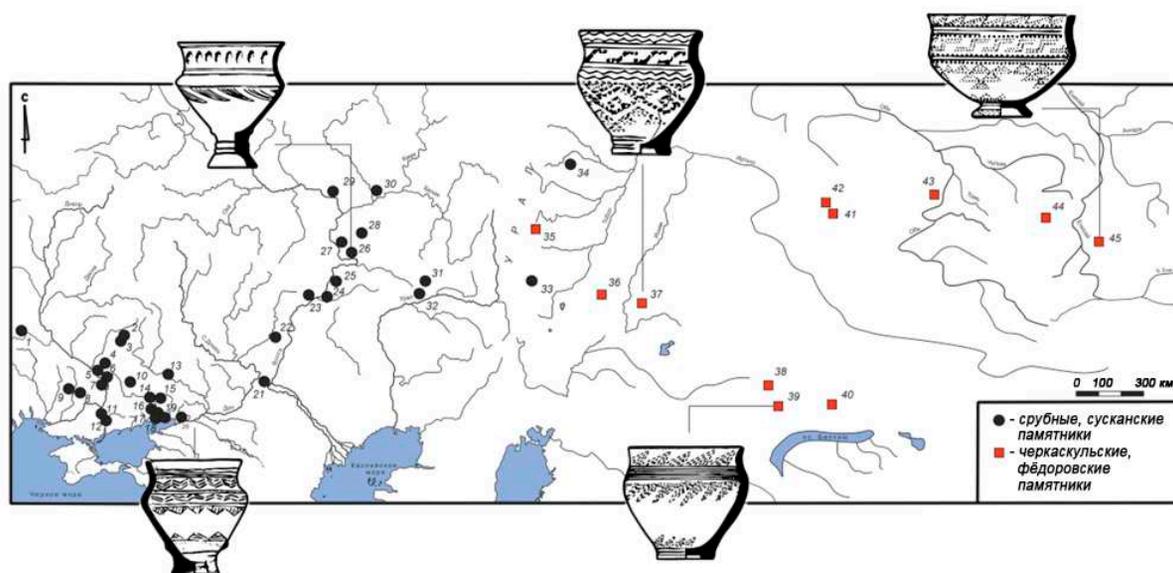

Рис. 8. Карта распространения чаш/кубков на ножке позднего бронзового века между бассейнами Днестра и Енисея (по Шибанова 2023б, рис. 52).

серию таких сосудов в погребениях позднего бронзового века бассейна Северского Донца (Каменка 8/1; ст. Рудничная 33/1; Старобешево; Щегловка 25/1) (Городцов 1907а, 239, 244-245; Городцов 1907б, 293, 351; Волкобой 1980, 70). В.А. Городцов предполагал, что, «очевидно, эта форма, в конце периода существования погребений со скорченными костяками, имела значительное распространение» (Городцов 1907а, 245), считая, что «форма этих довольно изящных сосудов, несомненно, имитирует металлическим, типа так называемых скифских котлов, и поэтому не может быть очень древней» (Городцов 1907а, 239). Однако поздняя датировка В.А. Городцовым подобной керамики впоследствии оказалась ошибочной (Волкобой 1980, 70).

В 1974-1979 гг. «кубковидные сосуды» были выявлены археологической экспедицией Днепропетровского государственного университета в семи раннесрубных погребениях Орельско-Самарского междуречья (Волкобой 1980, 69-70). И.Ф. Ковалёва и С.С. Волкобой датировали маёвский локальный вариант срубной культуры, сложившийся в юго-восточных регионах Днепровского Левобережья, серединой II тыс. до н.э. (Ковальова, Волкобой 1976, 19), отнеся его формирование к рубежу XVI-XV вв. до н.э. (Ковалёва, Волкобой 1976,

62). Чаши/кубки на поддоне были выделены в тип VI («ситуловидные сосуды») столовой керамики маёвского локального варианта (Ковальова, Волкобой 1976, 18, рис. 11/10).

Анализируя находки кубковидных сосудов на поддоне, С.С. Волкобой приводит широкие параллели такой керамике из комплексов позднего бронзового века Южного Приуралья, Западной Сибири и Центрального Казахстана (Волкобой 1980, 70-71). Исследователь приходит к выводу, что кубковидные сосуды представляют собой «специфическую форму, общую для абашевских, раннесрубных и андроновских памятников. <...> Присутствие в одних комплексах с кубковидными сосудами перстней с концами, оформленными в спирали, и металлических накладок от деревянных чаш, равно как данные курганной стратиграфии, позволяют датировать погребения с кубками XV-XIV вв. до н.э.» (Волкобой 1980, 71).

Е.Е. Кузьмина, рассматривая западные связи андроновских племён, констатирует, что «наиболее яркие следы фёдоровского воздействия на Украине выявлены в междуречье Самары и Орели на памятниках выделенного И.Ф. Ковалёвой маёвского типа. <...> Маёвские памятники отражают период формирования срубной общности в результате консолидации местной КМК и андроновско-срубного

инфильтрата и относятся к XV-XIV вв. до н.э. К числу фёдоровских элементов в них принадлежат <...>, в том числе кубковидные сосуды, сформированные с соблюдением фёдоровской традиции с дополнительной подлечкой дна» (Кузьмина 1987, 63, рис. 6).

В качестве андроновских элементов в срубной культуре рассматривали чаши/кубки на поддоне также С.С. Березанская и Я.П. Гершкович (Березанская, Гершкович 1983, 103, рис. 3/1-9). Исследователи отмечали, что «на основании стратиграфии и типологии памятники срубной культуры Украины, содержащие андроновские черты, надёжно датируются XV-XIII вв. до н.э. <...> Создается впечатление, что на раннем этапе андроновские проявления в срубной культуре наиболее многочисленны и ярки, а к XIII в. до н.э. становятся более расплывчатыми и малочисленными» (Березанская, Гершкович 1983, 108-109). Позднее Я.П. Гершкович, в связи с изменением представлений о хронологической последовательности фёдоровских и алакульских памятников андроновской общности, высказал мнение, что приведённый выше вывод (о датировке керамики на территории Украины, которая имеет фёдоровско-черкаскульские черты, раннесрубным временем) должен быть пересмотрен (Гершкович 1998, 72, рис. 5). Одним из аргументов для такого пересмотра в сторону омоложения, стало присутствие в IV горизонте поселения Безыменное II в Северо-Восточном Приазовье, наряду со срубной и сабастиновской керамикой, и посуды с признаками фёдоровской и саргаринско-алексеевской культур. Последние представлены и на сабастиновских поселениях вплоть до Поингуля (Степовое), которые Я.П. Гершкович относит к позднесабастиновскому времени, соотнося с третьим периодом срубно-сабастиновских контактов в Приазовье (Гершкович 1998, 72). Второй и третий период контактов срубной и сабастиновской культур Я.П. Гершкович помещает в хронологический диапазон с XIV в. до н.э. и не позднее конца XIII в. до н.э. (Гершкович 1998, 84), соответственно, сужая время бытования кубковидных сосудов с фёдоровскими чертами на Украине до XIII в. до н.э.

Как отмечает Я.П. Гершкович, в основу датировки керамики с андроновскими (фёдоровскими) чертами на территории Северного

Причерноморья изначально им, совместно с С.С. Березанской, была положена схема К.В. Сальникова, «которой мы вынуждены были придерживаться»⁵ (Гершкович 1998, 72). Для понимания трудностей, возникающих при абсолютной датировке комплексов Северного Причерноморья с кубковидными сосудами на основании лишь их восточных аналогий, приведём ниже некоторые основные вехи в изменениях взглядов на периодизацию и хронологию культур андроновской общности, а также некоторых родственных и сопредельных ей культур, в ареалах которых обнаружены чаши/кубки на ножке-поддоне.

Андроновская культура была выделена в 1927 г. С.А. Теплоуховым и названа по могильнику, расположенному у с. Андронovo в Минусинской котловине (Хакасия) (Теплоухов 1929, 42-43; Косарев 2005). Время формирования андроновской культуры в степных районах Западной Сибири и Казахстана С.А. Теплоухов отнёс к первой половине II тысячелетия до н. э. (Теплоухов 1929, 42). Андроновская культура была синхронизирована С.А. Теплоуховым с хвалынской и срубной культурами европейской части СССР. Верхняя граница её определялась временем сложения карасукской культуры в начале I тыс. до н.э. (Теплоухов 1929, 42-43).

Разработанная в 1948 г. К.В. Сальниковым периодизация западной части территории андроновской культуры (включая южное Зауралье) состояла из трёх сменяющих друг друга этапов: фёдоровского, алакульского и замара-

⁵ В этом утверждении несколько смущает слово «вынуждены» (кем вынуждены? почему вынуждены?). Ведь начиная с середины 1960-х гг. уже существовали и другие схемы, вокруг которых в литературе развивалась оживлённая дискуссия (Фёдорова-Давыдова 1964; Косарев 1965; Косарев 1981; Стоколос 1972; Потёмкина 1983; Потёмкина 1985; Кузьмина 1986; Кузьмина 2008; Зданович 1988 и др.). Кроме того, в приведённой выше цитате С.С. Березанская и Я.П. Гершкович чётко констатируют, что «памятники срубной культуры Украины, содержащие андроновские черты, надёжно датируются XV-XIII вв. до н.э.» не только на основании внешних параллелей, но и «на основании стратиграфии и типологии» (Березанская, Гершкович 1983, 108). И с последним утверждением трудно не согласиться. Стратиграфические и типологические наблюдения также были положены в основу достаточно ранних датировок ряда комплексов с кубковидными сосудами на ножке, предложенных А.И. Тереножкиным, И.Ф. Ковалёвой, С.С. Волкобоем, В.В. Отрощенко (Тереножкін 1960, 14; Ковалёва, Волкобой 1975, 62; Ковальова, Волкобой 1976, 19; Отрощенко 1977, 14; Волкобой 1980, 69-70; Ковалёва 1981, рис. 1).

евского (Сальников 1948; Сальников 1951, 109; Сальников 1967, 284-309). Первоначально была предложена следующая датировка этапов андроновской культуры по памятникам Зауралья: фёдоровского – XV-XII вв. до н.э. (середина - первая половина II тыс. до н.э.), алакульского – XI-IX вв. до н.э., замараевского – VIII-VII вв. до н.э. (Сальников 1951, 119-120; Сальников 1967, 309). Позднее датировка алакульского этапа была пересмотрена и отнесена К.В. Сальниковым к XIV-XI вв. до н.э., а Э.Ф. Фёдоровой-Давыдовой – к XV-XIII вв. до н.э. Соответственно, отодвигалось вглубь и время бытования памятников фёдоровского типа, а сложение андроновской культуры было отнесено к XVIII-XVII вв. до н.э. (Фёдорова-Давыдова 1964, 90-92; Киселёв 1962, 7; Сальников 1967, 311). В итоге схема развития андроновской культуры Южного Урала была представлена К.В. Сальниковым в следующем виде: фёдоровский этап – XVIII-XVI вв. до н.э., алакульский этап – XV-XII вв. до н.э., замараевский этап – XII - начало VIII вв. до н.э. (Сальников 1967, 325).

Во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. схема К.В. Сальникова была распространена на Северный, Западный и Восточный Казахстан, Верхнее Приобье, Минусинскую котловину (Косарев 1965, 242-243). При этом рядом исследователей делался акцент на локальном своеобразии памятников, что привело к появлению серии региональных периодизаций андроновской культуры. Однако предложенная региональная терминология, не меняющая сути описываемых явлений, вызвала и до сих пор вызывает возражения других исследователей (Максименков 1978, 90; Дмитриев 2018, 104). С.С. Черников все материалы из Восточного Казахстана, отнесенные им к андроновской культуре, разделил на четыре этапа: усть-буконский (XVIII-XVI вв. до н.э.), канайский (XVI-XIV вв. до н.э.), мало-красноярский (XIV-IX вв. до н.э.) и трушниковский (IX-VIII вв. до н.э.) (Черников 1960, 94-103; Маргулан и др. 1966, 60). Группой казахских археологов во главе с А.Х. Маргуланом для памятников андроновской общности Центрального и Восточного Казахстана были введены дублирующие названия – нуринский этап вместо фёдоровского и атасуский этап вместо алакульского (Маргулан и др. 1966, 61). Андроновскую культуру

в Центральном Казахстане, по схеме А.Х. Маргулана, сменила бегазы-дандыбаевская культура, имеющая черты преемственности с андроновской, но и обладающая рядом существенных отличий (Маргулан и др. 1966, 61, 160-196; Маргулан и др. 1979). В целом же схема датировки памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана, предложенная А.Х. Маргуланом и его коллегами, выглядит следующим образом: 1) энеолит (XVIII-XVII вв. до н.э.); ранний андрон – нуринский этап (XVI-XV вв. до н.э.); поздний андрон – атасуский этап (XIV-XIII вв. до н.э.); 4) переходный этап от андрона к поздней бронзе (XII-XI вв. до н.э.); 5) бегазы-дандыбаевский этап (X-VIII вв. до н.э.) (Маргулан и др. 1966, 163).

Начиная с середины 1960-х гг. рядом исследователей (Э.А. Фёдорова-Давыдова, В.С. Стоколос, М.Ф. Косарев, К.Ф. Смирнов, В.Н. Чернецов, Е.Е. Кузьмина, Т.М. Потёмкина и др.) было высказано мнение, что выявленные К.В. Сальниковым этапы андроновской культуры не являются этапами, а представляют собой самостоятельные культуры, развивающиеся параллельно – фёдоровскую и алакульскую. При всех отличиях выдвигаемых концепций, в целом местом формирования и обитания алакульской культуры определялись степи Южного Приуралья и Южного Зауралья, Западного и Северного Казахстана, а фёдоровской – лесостепное Зауралье и Западная Сибирь (до Енисея) (Фёдорова-Давыдова 1964, 90-92; Косарев 1965, 243-244; Косарев 1981, 112-132; Стоколос 1972, 7-24, 144-146; Максименков 1978, 75, 87-109; Потёмкина 1983, 13-14; Потёмкина 1985, 7-19; Кузьмина 1986, 100-108; Кузьмина 1987, 48-52; Кузьмина 2008, 63-85; Зданович 1988, 15-17; Матвеев 1998, 5-30).

Обосновывая необходимость выделения нескольких самостоятельных культур в рамках андроновской общности, М.Ф. Косарева кроме прочего отмечает, что «основное внимание при определении «андоновской» принадлежности керамики обращалось на отдельные элементы сходства определяемого сосуда с классическими андроновскими (фёдоровскими) образцами, при этом часто не учитывалось, насколько поверхностно сходство и насколько глубоко различия, забывалось, что не все аналогии свидетельствуют о единокуль-

турности и одновременности – одни сходные признаки могут быть результатом исторических связей, другие возникают конвергентно, третьи свидетельствуют о едином древнем субстрате и т.д.» (Косарев 1965, 246). Согласно позднейшим взглядам М.Ф. Косарева, андроновскую общность составляли три культуры: петровская (Южный Урал, юг Западной Сибири, Казахстан), алакульская (от Урала до Иртыша и до южного Казахстана) и фёдоровская (на Урале, Оби, Енисее, в Прииртышье и Казахстане). Андроновскую культурно-историческую общность в целом исследователь датировал XVI-XII вв. до н.э. (Косарев 2005).

Г.А. Максименков, напротив, считал, что «приводимые исследователями отличия фёдоровских и алакульских памятников неубедительны и могут в равной степени свидетельствовать о различиях между этапами, а не культурами» (Максименков 1978, 91, 94). При этом Г.А. Максименков подтверждает мнение других исследователей, что на восточной окраине андроновская общность представлена только фёдоровскими памятниками (Максименков 1978, 87), верхнюю границу бытования которых на Енисее он определял примерно XIV в. до н.э., «временем появления сложившихся карасукских форм бронзовых изделий в наиболее восточных памятниках» (Максименков 1978, 107). Придерживаясь при подготовке монографии схемы периодизации и датировки андроновской культуры К.В. Сальникова, в примечаниях Г.А. Максименков отмечал, что «со времени написания работы и до её выхода прошло более восьми лет. За это время появились новые материалы. Однако окончательного решения основных вопросов андроновской культуры всё ещё нет. В результате работы Г.Б. Здановича в Северном Казахстане появилось значительно более обоснованное представление о последовательности этапов. Если даже схема К.В. Сальникова будет окончательно отвергнута, а последовательность фёдоровского этапа за алакульским всеми признана, то всё равно андроновские памятники Енисея будут занимать промежуточное положение. Следовательно, нужно будет говорить, что андроновская культура пришла на Енисей не в конце фёдоровского или начале алакульского этапа, а в конце алакульского или начале фёдоровского. И те черты, которые в этой работе отмечаются как

ранние, окажутся поздними, то есть схема будет перевёрнута на 180°, но принципиальный её смысл останется неизменным» (Максименков 1978, 109).

Г.Б. Зданович разделил андроновскую культурно-историческую общность на четыре последовательных археологических культуры: петровскую культуру (XVII-XV вв. до н.э.), алакульскую культуру (XV-XIV вв. до н.э.), фёдоровскую культуру (XIV-XII вв. до н.э.), культуры валиковой керамики (XII-IX вв. до н.э.), выделяя между ними ряд промежуточных этапов – кулевчинский (XV в. до н.э.) и кожумбердынский (XIV в. до н.э.) (Зданович 1988, 132-148, табл. 9; 10/А, Б, В, Г). К первой половине XII в. до н.э. он относит перерастание фёдоровских комплексов и ряда соседних андронидных культур в культуры валиковой керамики. Согласно Г.Б. Здановичу, «межовскую, саргаринско-алексеевскую, амирабатскую, ирменскую и бегазы-дандыбаевскую культуры целесообразно объединить в рамках заключительного этапа андроновской культурно-исторической общности, поскольку основу их сложения и развития в целом, несмотря на различные инокультурные влияния и включения, определял андроновский культурный компонент» (Зданович 1988, 148, табл. 9).

Близкую схему датировки андроновской общности предложила Н.А. Аванесова: 1) предалакульский этап – XVII-XVI вв. до н.э.; 2) андроновская культура – XV-XII вв. до н.э., разделяющаяся на три этапа: алакульский – XV-XIV вв. до н.э.; кожумбердынский – XIV в. до н.э.; фёдоровский – конец XIV-XIII вв. до н.э.; 3) замараевско-бегазинская культура – XII-IX вв. до н.э. Исследовательница отрицает тезис о сосуществовании фёдоровских и алакульских комплексов как двух самостоятельных культур. Однако Т.М. Потёмкина считает положения Н.А. Аванесовой далеко не бесспорными (Потёмкина 1985, 14-15). Алакульскую культуру исследовательница относит к XVII-XIII вв. до н.э. (Потёмкина 1985, 80, 341). Сравнивая материалы Притоболья с материалами Приишимья и Южного Приуралья, Т.М. Потёмкина приходит к выводу, что, «по-видимому, на всём протяжении раннеалакульского этапа не прекращались восходящие ещё к эпохе энеолита связи носителей алакульских и фёдоровских культурных традиций» (Потёмкина 1985, 83-84).

Е.Е. Кузьмина также не соглашается со схемами, предложенными Г.Б. Здановичем и Н.А. Аванесовой. Среди фёдоровских комплексов она выделяет две разновременные группы: раннюю (XV-XIV вв. до н.э.) и позднюю (XIII-XII вв. до н.э.); ранняя представлена прежде всего в Центральном Казахстане и на Урале. Как ранний этап алакульской линии развития Е.Е. Кузьмина рассматривает памятники петровского типа (XVII-XVI вв. до н.э.). Собственно алакульские памятники она датирует XV-XIV вв. до н.э., а позднеалакульские – XIII в. до н.э. Из приводимого ею археологического материала исследовательница делает три основных вывода: 1) памятники фёдоровского и алакульского типов синхронны друг другу; 2) «выявленные между алакульскими и фёдоровскими памятниками различия в традициях гончарства и погребального обряда в свете данных этнографии не позволяют рассматривать их как два последовательных этапа единой андроновской археологической культуры, а подтверждают правомерность выделения их как двух самостоятельных культур, близкородственных, но все же различных этнических групп единой этно-культурной общности»; 3) «картина взаимодействия фёдоровского и алакульского населения дает основание предполагать, что первоначальной территорией формирования фёдоровской культуры была область Центрального Казахстана, алакульской – западные районы андроновского ареала по соседству с племенами срубной культуры, по ряду черт погребального обряда близкой к алакульской» (Кузьмина 1986, 101-105, рис. 28-29). Приведённую схему исследовательница развивает и в более поздних работах (Кузьмина 1987; Кузьмина 2008, 86-307). Схемы датировки андроновских памятников, предложенной Е.Е. Кузьминой, равно, как и мнения, что фёдоровские памятники существовали синхронно с алакульскими, придерживается и А.Д. Дегтярёва (Рындина, Дегтярёва 2002, 183-192).

В 1980-е гг. методы традиционного датирования культур андроновской общности были в значительной мере дополнены данными радиоуглеродного датирования. Н.А. Аванесова приводит 52 радиоуглеродные даты, частично совпавшие, частично нет с распространёнными на тот момент археологическими датировками по схеме Г.Б. Здановича

(Аванесова 1991, 91-95, рис. XVI-XVII). Для памятников фёдоровской культуры, за исключением семи анализов, выполненных лабораторией ЛОИА АН СССР в самом начале её деятельности и давших разброс от XXI до IV вв. до н.э., остальные 11 дат в основном приходятся на три столетия – XIII-XI вв. до н.э. (Аванесова 1991, 94). Стоит при этом отметить, что Н.А. Аванесова использовала явно некалиброванные даты. Если же их откалибровать, то весь интервал фёдоровских памятников сдвинется на три-четыре столетия вниз, в целом совпадая с новыми датировками памятников с андроновскими (фёдоровскими) чертами как на востоке (Минусинская котловина), так и на западе (Северное Причерноморье).

В 1990-е годы появились работы, в которых предпринимаются попытки удревнения алакульских памятников на основании серии радиоуглеродных дат западносибирских могильников до XX-XVIII вв. до н.э. (Матвеев 1998, 362-373; Рындина, Дегтярёва 2002, 190).

За последнее время было проведено большое количество новых радиоуглеродных измерений, значительно увеличившее банк радиоуглеродных дат памятников эпохи бронзы Минусинской котловины. «Новая серия радиоуглеродных дат, выполненная с применением ускорительной масс-спектрометрии, полностью подтвердила весьма узкие хронологические рамки андроновской (фёдоровской) культуры на Среднем Енисее, которые уверенно укладываются в период XVII-XV вв. до н.э.» (Поляков, Святко 2019, 19, рис. 1).

К северу от основного ареала андроновской общности, в лесной и северной части лесостепной зоны Зауралья, а также в северной и центральной Башкирии К.В. Сальников выделил *черкаскульскую культуру*, родственную андроновской, разделив её на три хронологических этапа: черкакульский, межовский и берёзовский (Сальников 1967, 354, рис. 56). В конце 1980-х гг. М.Ф. Косарев пришёл к выводу, что предложенная К.В. Сальниковым «дата черкакульского «этапа» (XVIII-XVI вв. до н.э.), сейчас, в свете новых данных, не может быть принята. Наиболее вероятным временем существования черкакульской культуры, учитывая её одновременность андроновской (фёдоровской) культуре, являются XIV-XI вв. до н.э.» (Косарев 1987,

283). Позднее М.Ф. Обыденнов и А.Ф. Шорин посчитали возможным датировать процесс формирования черкаскульской культуры уже XV в. до н.э., приближаясь к первоначальной датировке её зарождения К.В. Сальниковым – серединой II тыс. до н.э. (Обыденнов, Шорин 1995, 45). В настоящее время С.В. Кузьминых датирует черкаскульскую культуру второй–третьей четвертью II тыс. до н.э. (Кузьминых 2017).

В конце 1980-х гг. в лесостепном Волго-Камье и западном Приуралье Ю.И. Колев выделил андронидную *сусканскую культуру* (Колев 1991; Колев 2000, 244), сменившую в Волго-Уральской лесостепи покровско-мосоловскую срубную культуру (Отрощенко, Шарафутдінова 2018, 56). По мнению Ю.И. Колева, кроме ряда других признаков, «на тесные связи сусканской культуры с андроновским культурным миром указывают и так называемые сосуды-кубки на высоких ножках-поддонах» (Колев 2000, 245, рис. 11/1-12). Согласно Ю.И. Колеву, «можно предполагать формирование сусканской культурной традиции уже в конце срубной эпохи, то есть в середине II тыс. до н.э., ориентировочно в XV в. до н.э.». Верхний хронологический рубеж сусканских древностей исследователь относит к XIII–XII вв. до н.э., ко времени появления в Приуралье атабаевской и межовской культур (Колев 2000, 250–251). С.В. Кузьминых также датирует сусканскую культуру XV/XIV–XIII/XII вв. до н.э. (Кузьминых 2016).

В степных районах Поволжья, Подонье и Левобережном Поднепровье Ю.И. Колев размещает *ивановскую культуру*, относимую им к выделенной Е.Н. Черных общности культур валиковой керамики (ОКВК)⁶ (Колев 2000, 251–256; Колев 2008). Исследователь отмечает, что «в керамических коллекциях ивановских поселений встречается и совершенно нетипичная для степных культур категория сосудов – кубки на поддоне. Своеобразна не только форма кубковидных сосудов, но и их орнаментация, в которой ведущими мотивами являются заштрихованные треугольники, как правило, косоугольные, каннелюры, зигзаги»

⁶ К контактной зоне ОКВК, расположенной между Днепром и Северским Донцом (а частично и к западной – «фракийской»), относится и сабастиновская культура Северо-Западного Причерноморья (Черных 1983, 82, рис. 1).

(Колев 2008, 214, табл. 2/15, 18; 4/1–4). По мнению Ю.И. Колева, «на культурные истоки кубковидных сосудов указывает распространение их преимущественно в восточной зоне Евразии, а также значительное число кубков в памятниках андроновского круга – черноозёрско-томских (могильник Еловка II), фёдоровско-алакульских (могильник Тау-Тары), алексеевско-саргаринских (поселение Алексеевка), фёдоровско-черкаскульских (поселение Родниковое). <...> Андроновское происхождение кубков подтверждается и исследованиями в Поволжье, где к настоящему времени выявлено не менее семи памятников, содержащих керамику подобного типа» (Колев 2000, 246, рис. 11). Формирование ивановской культуры Ю.И. Колев датирует рубежом XV–XIV вв., основное же время её существования относит к XIII–XII вв. до н.э. (Колев 2000, 256; Колев 2008, 225). К ивановской культуре Ю.И. Колев отнёс и памятники с кубками бережновско-маёвской срубной культуры Днепровского Левобережья, отрицая их срубную принадлежность. По мнению исследователя, «представляется вероятным предположение, что погребения с кубками, если и не являются еще собственно ивановскими, то демонстрируют процесс становления ивановской обрядности и участие андроновских традиций в формировании ивановской культуры» (Колев 2008, 213, табл. 2/15, 18).

Подводя итог краткому экскурсу в проблемы периодизации и хронологии культур андроновской общности и контактирующих с ними культур лесной, лесостепной и степной зоны Евразии, считаем необходимым остановиться на некоторых недавних выводах специалистов, относящихся к разным поколениям «андроноведения». Е.Е. Кузьмина констатировала, что «несмотря на обилие материала и усилия многих специалистов, периодизация андроновской культуры в настоящее время окончательно не установлена, это заставляет отказаться при характеристике андроновских памятников от термина этап и описывать типы памятников, приводя лишь бесспорные данные об их относительной и абсолютной хронологии» (Кузьмина 2008, 84–85). С этими положениями целиком перекликается и мнение Е.А. Дмитриева в отношении фёдоровской культуры: «Совершенно неясен вопрос с генезисом (выдвигаемые гипотезы довольно

натянуты), отсутствует чёткая внутренняя периодизация, да и в целом хронология фёдоровской культуры и её место среди древностей бронзового века дискусионно» (Дмитриев 2018, 105). А.В. Епимахов отмечает: «Фёдоровская культура, выделенная более шестидесяти лет назад в качестве этапа андроновской, продолжает оставаться предметом жарких дискуссий едва ли не по всем основным вопросам интерпретации» (Епимахов и др. 2019, 133).

Поэтому в основание датировки кубковидных сосудов на ножке-поддоне в западной части ареала их распространения, за пределами андроновского культурного круга, должны быть положены не только восточные, фёдоровско-черкаскульские, аналогии, но и возможности внутренней, региональной датировки, основанной на стратиграфии, анализе сопутствующих артефактов и результатах радиоуглеродного датирования.

Р.А. Литвиненко отнёс погребения срубной культуры с кубками бассейна Северского Донца ко второму (развитому) и третьему (позднему) горизонтам (Литвиненко 1994, 13-21, рис. 1). Позднее погребения с кубковидными сосудами из Северо-Восточного Приазовья были преимущественно отнесены Р.А. Литвиненко ко второму горизонту существования срубной культуры (Литвиненко 1999, рис. 13). В.В. Отрощенко, интерпретируя схему Р.А. Литвиненко 1994 г. для срубных памятников Северского Донца, синхронизирует ранний горизонт покровско-мосоловской срубной культуры (ПМСК-I) с поздними памятниками культурного круга Бабино («КМК-II») и датирует этот период концом XVII-XVI вв. до н.э. Ко второму, развитому горизонту срубной культуры В.В. Отрощенко относит сосуществование ПМСК-II и первого периода бережновско-маёвской срубной культуры (БМСК-I), датируя его XV-XIV вв. до н.э.; к этому горизонту относятся памятники, «которые раньше традиционно относили к ранней срубной культуре». Третий, поздний горизонт соответствует БМСК-II, датируется XIV-XIII вв. до н.э. и «представлен выразительнее всего погребениями в каменных ящиках с элементами фёдоровско-черкаскульских влияний» (Отрощенко, 2001, 155-156, мал. 31).

В.В. Отрощенко в серии публикаций обращает внимание на совпадение ареалов и времени

производства керамических кубков на поддоне и клёпаных котлов на коническом поддоне и их взаимозаменяемость в погребальном ритуале XV/XIV-XIII вв. до н. э. (Отрощенко 2001, 161-162, мал. 32-33; Отрощенко, Шарафутдінова 2018, 56; Гошко, Агапов, Отрощенко 2018, 59-60). Согласно мнению В.С. Бочкарёва, «клёпаные котлы появились на территории Восточной Европы в III периоде эпохи поздней бронзы. Это было время смены культур в Волго-Уральском регионе, формирования нового блока культур и лобойковско-дербеденовской зоны металлопроизводства. <...> Их происхождение трудно связать с какой-то одной конкретной культурой. Они были порождены той разнородной и очень насыщенной культурной средой, которая сложилась в XV-XIV вв. до н. э. <...> В IV периоде культурная ситуация вновь изменилась. Производство котлов в основном сосредоточилось на территории Северного Причерноморья, занятого сабастиновской культурой. Здесь же их продолжали изготавливать и позднее, во времена белозерской культуры. История клёпаных котлов, видимо, окончательно завершилась с приходом скифов» (Бочкарёв 2010, 208). В отличие от В.С. Бочкарёва, В.В. Отрощенко последовательно отстаивает мнение, что «изготовление кубковидных сосудов на поддоне и клёпаных котлов на коническом поддоне происходило параллельно в течение второго периода бережновско-маёвской срубной культуры и может быть синхронизировано с соответствующими периодами сабастиновской, тшинецкой и сусканской культур. С прекращением изготовления кубковидных сосудов завершается и производство клёпаных котлов указанного типа на рубеже XIII-XII вв. до н. э. Тогда же прекращается и добыча медной руды в системе Донецкого горно-металлургического центра» (Отрощенко, Шарафутдінова 2018, 50). Стоит также отметить, что бронзовые котлы на коническом поддоне в андроновской общности известны и в более ранний период, в раннеалакульской (петровской) культуре (Дегтярёва и др. 2020, 103-104, рис. 4).

Чаши/кубки на ножке/поддоне с территории Северного Причерноморья могут быть разделены по характеру ножки на несколько типов (с дополнительным делением на варианты и подварианты): 1) с псевдоножкой (зауженная

придонная часть корпуса, зачастую – орнаментированная), 2) с невысоким кольцевым поддоном, 3) с полой конической или цилиндрической ножкой-поддоном, 4) с цельной конической ножкой-поддоном.

На территории Северного Причерноморья находки кубков на ножке/поддоне сконцентрированы в Нижнем Поднепровье и Степном Приазовье (рис. 8-10): *Аккермень I 9/2* (Запорожская область, Мелитопольский район, с. Новопилиповка, совхоз «Аккермень») (Вязьмитина та ін. 1960, 54, рис. 38; Волкобой 1980, 70) (рис. 9/3); *Александровка/Учхоз I 7/1* (Днепропетровская область, Новомосковский район) (Ковалёва и др. 1978, табл. 10/2; Волкобой 1980, рис. 1/13; Березанская, Гершкович 1983, рис. 3/8) (рис. 9/4); *Балки/Рясные Могилы 7/2* (Запорожская область, Васильевский район) (Отрощенко, Савовский, Томашевский 1977, 60, рис. 26/3; Волкобой 1980, 70) (рис. 9/9); *Верхняя Маёвка II 3/1* (Днепропетровская область, Днепропетровский район) (Ковальова, Волкобой 1976, 6, рис. 3/3; 11/10; Волкобой 1980, рис. 1/4) (рис. 9/6); *Высокое 6/1* (Запорожская область, Михайловский район) (Отрощенко, Рассмакин 1997; Отрощенко 2001, мал. 32/4; 2005, рис. 27/2) (рис. 9/7); *Дмухайловка X 1/2* (Днепропетровская область, Магдалиновский район) (Ковалёва и др. 1981, табл. 6/16; Волкобой 1980, 69, рис. 2/5) (рис. 9/5); *Каменка 8/1* (Донецкая область, Енакиевский горсовет; бывш. Екатеринославская губерния, Бахмутский уезд) (Городцов 1907а, 239, 245; 1907б, 293); *Капитаново* (Луганская область, Новоайдарский район; бывш. Харьковская губерния, Старобельский уезд, Ново-Айдарская волость) (Рудинський 1928, 15, табл. III/17 - «*v. Capitonova*»; Волкобой 1980, 70 - «*Полтавская область*»; Шибанова 2023а, рис. 1/13) (рис. 10/4); *Мариупольский (Ждановский) музей* (Донецкая область) (Кривцова-Гракова 1955, рис. 10/10; Колев 2008, табл. 4/4; Ильюков 2013, рис. 1/2) (рис. 10/6); *Мухин II 8/13* (Ростовская область, Аксайский район, г. Аксай, ур. Мухина балка) (Беспалый 1997; Беспалый, Беспалый 2002, 60, рис. 49/4; Гершкович 1998, рис. 5/1)

⁷ Изображения многих сосудов, представленных на рис. 9-10, в разных источниках несколько разнятся. Для иллюстраций сосудов из Днепропетровской области за основу взяты прорисовки из статьи С.С. Волкобой 1980 г., дополненные рядом деталей из публикаций И.Ф. Ковалёвой.

(рис. 10/2); *Новочеркасский (Донской) музей* (Ростовская область) (Колев 2008, табл. 4/3; Ильюков 2013, рис. 1/1) (рис. 10/8); *Прядовка VII 2/1* (Днепропетровская область, Царичанский район, колхоз им. Калинина) (Волкобой 1980, 69, рис. 1/15; Ковалёва и др. 1981, табл. 2/6) (рис. 9/10); *Прядовка VII 3/4* (Днепропетровская область, Царичанский район) (Волкобой 1980, 69, рис. 2/2; Ковалёва и др. 1981, табл. 3/7; Колев 2008, табл. 2/15) (рис. 9/11); *Рудничная/Близнята 33/1* (Донецкая область, г. Донецк, Кировский район, станция Рутченково; бывш. Екатеринославская губерния, Бахмутский уезд, станция Рудничная) (Городцов 1907а, 239, 245, рис. 57; Городцов 1907б, 351; Волкобой 1980, 70; Кузьмина 1987, рис. 6/11 - «*1 Донецкий*») (рис. 10/7); *Спасское XIV 4/2* (Днепропетровская область, Днепропетровский район) (Волкобой 1980, рис. 1/8 - «*Верхняя Маёвка*») (рис. 9/8); *Спасское XIV 8/1* (Днепропетровская область, Новомосковский район) (Ковалёва, Волкобой 1976, 57-58, рис. 2/4; Ковалёва и др. 1977, табл. 11/8; Волкобой 1980, рис. 1/10 - «*Верхняя Маёвка*») (рис. 9/12); *Старобешево* (Донецкая область, Старобешевский район) (Донецкий краеведческий музей; Волкобой 1980, 70); *Степовое 3/1* (Николаевская область, Николаевский район) (Отрощенко 2001, 174; Отрощенко, Шарафутдінова 2018, 52, рис. 5/3) (рис. 9/2); *Терновое 1/1* (Донецкая область, Шахтёрский район) (Косіков, Кравець 1993, 77, рис. 30/1) (рис. 10/15); *Чкалово 1/1* (Запорожская область, Приазовский район) (Березанская, Гершкович 1983, рис. 2/9; Кузьмина 1987, рис. 6/8 - «*Орджоникидзе*»; Гершкович 1998, рис. 5/3) (рис. 10/12); *Щегловка 25/1* (Донецкая область, г. Донецк, Киевский район; бывш. Екатеринославская губерния, Бахмутский уезд) (Городцов 1907а, 245)⁸.

Серия кубков на конической полой ножке обнаружена и в Среднем Поднепровье – в вос-

⁸ Кроме упомянутых комплексов, в серии публикаций приведён ещё ряд изображений кубковидных сосудов на поддоне из Северного Причерноморья, но без уточнения их локализации и масштаба (Волкобой 1980, рис. 3; Березанская, Гершкович 1983, рис. 3; Кузьмина 1987, рис. 6; Литвиненко 1999, рис. 13 и др.). Два сосуда, отнесённые Р.А. Литвиненко ко II стратиграфическому горизонту погребений срубной культуры «Восточного Надазовья» (Северо-Восточного Приазовья) (Литвиненко 1999, рис. 13), у С.С. Волкобой опубликованы без локализации, но с указанием масштаба (Волкобой 1980, рис. 3) (рис. 10/1, 3).

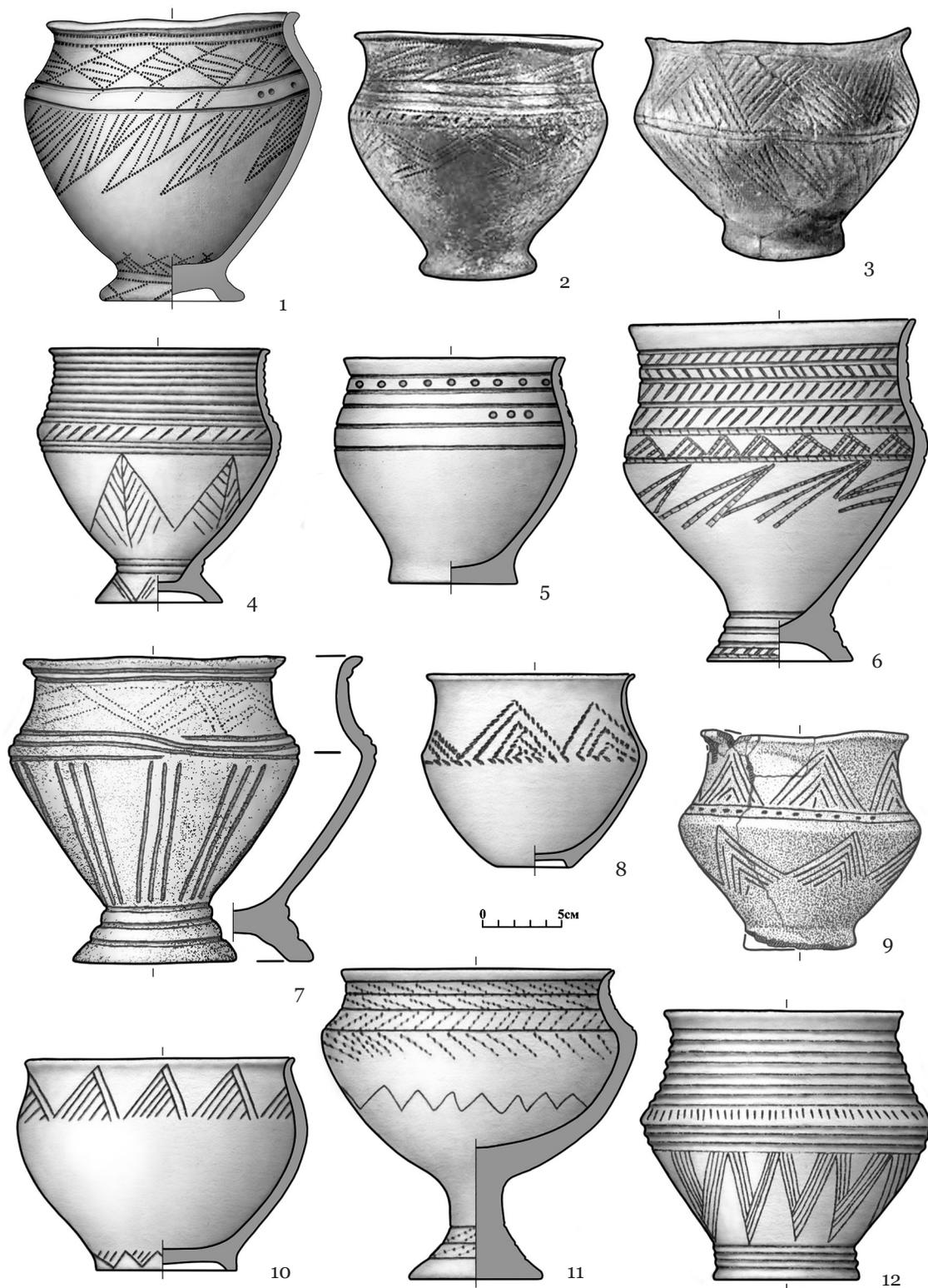

Рис. 9. Чаши/кубки на ножке из Северного Причерноморья: 1 - Глиное/Север 5/2; 2 - Степовое 3/1; 3 - Аккермень I 9/2; 4 - Александровка I 7/1; 5 - Дмухайловка X 1/2; 6 - Верхняя Маёвка II 3/1; 7 - Высокое 6/1; 8 - Спасское XIV 4/2; 9 - Балки/Рясные Могилы 7/2; 10 - Прядовка VII 2/1; 11 - Прядовка VII 3/4; 12 - Спасское XIV 8/1.

Рис. 10. Чаши/кубки на ножке из Северного Причерноморья: 1, 3 - Северо-Восточное Приазовье; 2 - Мухин II 8/13; 4 - Капитаново; 5 - Буковна I, курган 3 (2012); 6 - Мариупольский музей; 7 - Рудничная/Близнята 33/1; 8 - Новочеркасский музей; 9 - Малая Бугаёвка-3; 10, 13 - Малополовецкое-3, комплекс 2; 11 - Абакумы-1; 12 - Чкалово 1/1; 14 - Малополовецкое-3, комплекс 17; 15 - Терновое 1/1.

точной части ареала комаровской культуры ТКК, в киево-черкасской группе комаровской культуры. Три таких сосуда происходят из костяк смешанных комаровско-срубных комплексов 2 и 17 могильника *Малополовецкое-3* (Киевская область, Фастовский район) (Лысенко 1998, рис. 8/5; 17/3; Лысенко 2006; Лысенко, Лысенко 2019, 118, рис. 6/3) (рис. 10/10, 13, 14). Фрагмент еще одного кубка найден на поселении *Малая Бугаёвка-3* (Киевская область, Васильковский район); сосуд орнаментирован «колючей проволокой» – орнаментом, характерным для ранней сосницкой культуры ТКК (вторая четверть II тыс. до н.э.) (Лысенко 2006; Лысенко 2013, 405, рис. 238/4) (рис. 10/9).

Ритуальные костяки Малополовецкого могильника, кроме упомянутых кубков, содержали также сосуды тшинцеко-комаровского и малополовецкого типов, покровско-мосоловской и бережновско-маёвской срубной культур (среди последних на памятнике встречаются также сосуды с элементами формы и орнаментации алакульской и фёдоровской культур). Радиоуглеродные даты позволяют относить эти комплексы к XVI в. до н.э. (Лысенко 1998; Kovalyukh et al. 1998; Górski, Lysenko, Makarowicz 2003). В.В. Отрощенко датирует памятники малополовецкого типа XVI-XV вв. до н.э. (Отрощенко 2005, 189)⁹. Кроме кубков, андронидные черты в комплексах Малополовецкого могильника представлены и элементами орнаментации на некоторых сосудах. Среди последних – чаша из комплекса 5, украшенная косыми заштрихованными треугольниками, аналогичными треугольникам на кубковидном сосуде из погребения Глиное/Север 5/2 (Лысенко 1998, рис. 15/1; Лысенко и др. 2023а, рис. 10/8).

⁹ На наш взгляд, на основании совместного нахождения керамики малополовецкого, покровско-мосоловского и бережновско-маёвского типов в комплексах Малополовецкого могильника до XVI в. до н.э. следует удревнить и начало формирования БМСК (Лысенко, Лысенко 2018, 125). Возможность удревнения начала БМСК-I как минимум до XVI в. до н.э. дают также результаты радиоуглеродного датирования комплексов Степановского поселения на Донском кряже (Луганская область, Перевальский район) (Бровендер 2012, 205). Кроме того, такое удревнение (на фоне «срубно-андроновской» составляющей керамического комплекса Малополовецкого могильника) вполне согласуется с серией новых радиоуглеродных дат, полученных для фёдоровских комплексов Минусинской котловины (Поляков, Святко 2019, 19).

Фрагменты кубковидных сосудов зафиксированы и в южном Полесье, в южной части ареала *сосницкой культуры ТКК*. На поселении *Абакумы* (Гомельская область, Лоевский район) найдена полая коническая ножка (Крывальцэвіч 2006, мал. 3/7; Górski, Lysenko, Makarowicz 2003, fig. 18/7) (рис. 10/11). По мнению В.В. Отрощенко, кубку принадлежал фрагмент венчика, орнаментированного фёдоровскими «уточками»¹⁰, происходящий с поселения *Мезин, ур. Воробьёв Остров* (Черниговская область, Новгород-Северский район) (Куриленко, Отрощенко 1998, 51, рис. 5/13; Отрощенко 2001, 174).

В Прикарпатье приземистая чаша на низком кольцевидном поддоне происходит из насыпи кургана 3 курганной группы 1 *Буковнянского могильника*, относящегося к раннему этапу галицкой группы *комаровской культуры ТКК* (вторая четверть II тыс. до н.э.) (Лысенко и др. 2015, рис. 18/1) (рис. 10/5). Показательно, что сосуд украшен по корпусу наклонными, треугольными в сечении, наклепными валиками. Аналогичный орнамент был зафиксирован и на чаше из упомянутого выше вытянутого на спине погребения в кургане 11 Комаровского могильника (Swieszniak 1967, tabl. 2/11).

В *тшинцекой культуре ТКК* чаши/кубки на ножке также немногочисленны. Распространены они преимущественно в юго-восточной Польше, в опатовской (малопольской) группе, но известны и в других группах (лубенской, подляско-мазовецкой)¹¹: *Dacharzów 1/2* (Свентокшиское воеводство, Сандомирский повет; пол.) (Florek, Taras 2003, rys. 10/a); *Gabultów 1/5* (Свентокшиское воеводство, Казимежский повет) (Górski, Makarowicz 2012, rys. 2/a, b, d, e, g); *Hrubieszów-Podgórze, stan. 5, ob. 63* (Люблинское воеводство, Хрубешувский повет) (Taras 1998, rys. 7/4); *Samborzec*

¹⁰ Отнесение исследователями венчика сосуда с фёдоровским орнаментом из Мезина, равно как и упомянутого ниже венчика сосуда из культурного слоя поселения сабашиновской культуры Степовое, именно к кубкам можно допускать лишь условно, с определённой долей вероятности. Так как наличие характерного орнамента венчика ещё не гарантирует обязательного наличия ножки/поддона. Это могли быть просто глубокие чаши, орнаментированные в «восточном», фёдоровско-черкасском стиле.

¹¹ В выборку не попали достаточно многочисленные сосуды с зауженным (толстым плоским или вогнутым с внешней стороны) дном, визуально напоминающим широкую невысокую «ножку».

(Свентокшиское воеводство, Сандомирский повет) (Gardawski 1959, 38, tabl. XXXV/1); *Sierpów, stan. 1* (Лодзинское воеводство, Ленчицкий повет) (Gardawski 1959, 38, tabl. XII/7); *Szczekarków* (Люблинское воеводство, Любартовский повет) (Taras 1998, гус. 6/6); *Trzcinięc, stan. 1* (Люблинское воеводство, Пулавский повет) (Gardawski 1959, tabl. LXXIII; Taras 1998, гус. 6/9, 11); *Tyszowce, stan. 25B, ob. 16* (Люблинское воеводство, Томашувский повет) (Taras 1998, гус. 2/8); *Zakrzew, stan. 1* (Мазовецкое воеводство, Сохачевский повет) (Gardawski 1959, tabl. LVI/18); *Złota, погребение 41* (Свентокшиское воеводство, Сандомирский повет) (Gardawski 1959, tabl. XXXVI/3); *Złota, яма 174/XXVIII* (Gardawski 1959, tabl. XXXVI/8). Однако в тшинецкой культуре Польши чаши/кубки на ножке имеют несколько иную морфологию корпуса и систему орнаментации, тяготеющие к культурам Карпато-Дунайского бассейна (Монгайт 1974, рис. на с. 60/9; Müller-Karpe 1980, Taf. 293/G/7,10,11; 327/A/6, D/10; Балагури 2001, рис. 77/8). Кроме того, часть кубковидных сосудов Карпато-Дунайского и Балтийского регионов имеет ручку, приближаясь по форме к кувшинам.

На *Гордеевском могильнике* в Подолии миниатюрные кубки/рюмки на конической полой или цельной ножке обнаружены в курганах 7, 8, 16, 21 (Березанская 1999, рис. 10/5-6; Березанська, Ключко 2011, рис. 13/2; 15/3; 25/1; 37/1; Лысенко 2015, рис. 6/10-13). Все эти курганы относятся к раннему, добелогрудовскому, горизонту могильника (Горд. I и Горд. II по В.И. Ключко) и датируются XIV-XIII вв. до н.э. (Березанська, Ключко 2011, 66, 74). Гордеевские рюмковидные сосуды находят аналогии на памятниках белозёрской культуры Северо-Западного Причерноморья (Будуржель 22/10; поселения Калфа, Приозёрное I), в культуре полей погребальных урн в Венгрии (Шагхедь) (Ванчугов 1990, 71, 132-134, рис. 18/14; 24/8; 31/13; 41/6-8, 17-18), в культуре Гава (Балагури 2001, 307, рис. 97/12). Их можно рассматривать как своего рода подражание большим чашам/кубкам на поддоне. Однако по своей форме и по отсутствию орнаментации кубочки Гордеевского могильника также тяготеют скорее к западным, карпато-дунайским параллелям, чем к восточным, срубно-андроновским.

Территориально наиболее близким к группе «Север» погребальным комплексом с кубком маёвского/фёдоровского типа является погребение, исследованное в 1981 г. И.Н. Шарафутдиновой в кургане 3 у с. Степовое на Южном Буге, неподалёку от сабаатиновского поселения Степовое (Отрощенко, Шарафутдінова 2018) (рис. 9/2). Из культурного слоя последнего также происходит фрагмент верхней части кубка (?), орнаментированного в восточном («фёдоровском») стиле (Гершкович 1998, рис. 5/2; Отрощенко, Шарафутдінова 2018, 52, рис. 6/1). В.В. Отрощенко рассматривает погребения в курганах у с. Степовое, совершённые по обряду БМСК, в качестве яркого примера гармоничной адаптации «срубников» в сабаатиновской среде. «Не возникает больших сомнений в том, что упомянутые погребения должны были принадлежать обитателям Степового» (Отрощенко 2001, 174, 176).

Отдельный интерес представляют также система орнаментации и техника нанесения орнамента на сосуде из Глиное/Север 5/2. Орнамент нанесён аккуратным мелкозубчатым штампом, характерным для керамики фёдоровского типа. В качестве фёдоровского элемента можно рассматривать и заштрихованные косые треугольники. А вот заштрихованные ромбы и заштрихованные равнобедренные треугольники с выступающими за вершину линиями сторон – элементы, характерные скорее для Алакуля. Как «алакульский» элемент можно рассматривать и незаполненную полосу («просвет») между двумя бороздками, расположенную в основании шейки (Сальников 1967, 284-285, рис. 43-45; Косарев 1965, 245; Потёмкина 1985, рис. 79; 91; 104; 107; Кузьмина 1986, рис. 13; Кузьмина 1987, 49, 51-52, рис. 1). Поэтому даже на основании только системы орнаментации кубка маёвского («фёдоровского») типа из Глиное/Север 5/2 можно сделать вывод, что андронидные элементы в западную часть Великой Степи проникают уже в смешанном виде, как фёдоровско-алакульские.

Стоит обратить внимание, что элемент орнамента в виде равнобедренных треугольников с выступающими за вершину линиями сторон (выполненный в резной, «алакульской» технике) был зафиксирован неподалёку от группы «Север» – в сабаатиновском погребении Глиное/Рыбхоз 3/96, датирован-

ном XVI в. до н.э. Этот элемент орнамента в Северном Причерноморье эпизодически встречается также на керамике бережновско-маёвской срубной культуры и комаровской культуры ТКК (Лысенко и др. 2023а, 377-380, рис. 4).

Культурно-исторические процессы позднего бронзового века невозможно понять, рассматривая их узкорегionalmente, даже в пределах такого сравнительно большого региона, как Северное Причерноморье. Масштабы этих процессов в какой-то мере позволяет охватить сопоставление ареала распространения андроновских и андронидных культур и их элементов (Кузьмина 1986, рис. 1; Шибанова 2023а, рис. 1/1) с ареалом Евразийской металлургической провинции позднего бронзового века (по Е.Н. Черных) (Рындина, Дегтярёва 2002, рис. 69), охватывающих пространства от Карпат на западе и до Енисея на востоке, от южного Полесья и южнотаёжной зоны Западной Сибири на севере до полупустынь и пустынь Казахстана и Средней Азии и предгорий Тянь-Шаня на юге. С этими ареалами в значительной мере совпадает и территория распространения кубковидных сосудов на ножке-поддоне (Шибанова 2023б, рис. 52) (рис. 8). При этом именно Северное Причерноморье является тем контактным регионом, где происходило наложение Евразийской и Европейской металлургических провинций (Рындина, Дегтярёва 2002, рис. 69), соединяя Великую Евразийскую Степь с Карпато-Подунавьем и Центральной Европой. Однако только скрупулёзные микрорегиональные исследования позволяют наполнить эти общеконтинентальные процессы реальным содержанием.

Выводы

Исследованные в кургане 5 группы «Север» у с. Глиное погребальные комплексы позднего бронзового века убедительно иллюстрируют две основные тенденции в развитии микро-региона в предсабатиновское и сабатиновское время, соотношение культурных традиций и инноваций.

Погребение Глиное/Север 5/1 является типичным для днепро-прутской бабинской культуры Северо-Западного Причерноморья. Фактически его можно рассматривать как одно из эталонных для обрядовой группы сильно

скорченных погребений, ориентированных головой на восток, с позицией кистей рук в районе головы/лица и размещением сосуда перед верхней частью корпуса. По результатам радиоуглеродного датирования погребение полностью вписывается в основной интервал существования днепро-прутской бабинской культуры – XX-XVIII вв. до н.э. В сабатиновской культуре развитого периода позднего бронзового века такое соотношение позы и ориентации погребённого становится доминирующим. Поэтому данную обрядовую группу культурного круга Бабино в Северо-Западном Причерноморье можно рассматривать, как протосабатиновскую, чётко фиксирующую преемственность этой погребальной традиции в регионе.

Погребение Глиное/Север 5/2, наоборот, является достаточно неординарным для позднего бронзового века Северо-Западного Причерноморья. Погребённый лежал вытянуто на спине, головой на восток, и сопровождался чашей/кубком на полой конической ножке. Орнаментация кубка имеет ярко выраженные восточные (андроноидные, фёдоровско-черкаскульские) черты. Для погребения получены две радиоуглеродные даты, позволяющие датировать его в пределах XV-XIV вв. до н.э. и отнести ко времени развитой сабатиновской культуры. В настоящий момент Глиное/Север 5/2 является самым западным пунктом распространения кубковидных сосудов на ножке с восточными (андроноидными) чертами на территории Великой степи и прилегающих к ней регионов на пространстве между Днестром и Енисеем. Результаты радиоуглеродного датирования не противоречат датировке имеющихся аналогий подобной керамики, позволяя при этом говорить о достаточно раннем проникновении её далеко на запад.

Находка кубковидного сосуда на полом коническом поддоне, украшенного характерным андронидным орнаментом, в кургане 5 группы «Север» у с. Глиное отодвигает границу распространения подобной керамики далеко на запад от Днепра, непосредственно до левого берега р. Днестр, и может быть связана с инфильтрацией в регион носителей бережновско-маёвской срубной культуры. Последние были своего рода «передаточным

звеном» культурных компонентов между культурами развитого этапа позднего бронзового века Волго-Уральского и Карпато-Дунайского регионов. Проникновение «срубников» далеко на запад не было ни эпизодическим, ни кратковременным явлением. Упомянутая выше чаша из Глиное/Рыбхоз 3/96 (XVI в. до н.э.) отражает ранний период этих контактов.

Кубок на ножке из Глиное/Север 5/2 относится к развитому периоду сабастиновской культуры (XV-XIV вв. до н.э.). Фоном же для подобных погребений с инородной керамикой являлось местное сабастиновское население, невыразительные погребения которого широко представлены в различных курганных группах на левобережье Нижнего Днестра.

Библиография

- Аванесова 1991:** Н.А. Аванесова, Культура пастушеских племён эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям) (Ташкент 1991).
- Балагури 2001:** Э.А. Балагури, Население Верхнего Потисья в эпоху поздней бронзы (Ужгород 2001).
- Беляев 1981:** О.С. Беляев, Похоронения зрубной культуры і ранього залізного віку Йосипівського могильника. Археологія 36, 1981, 67-70.
- Березанская 1982:** С.С. Березанская, Северная Украина в эпоху бронзы (Киев 1982).
- Березанская 1999:** С.С. Березанская, Могильник эпохи бронзы Гордеевка на Южном Буге. Советская археология 4, 1999, 131-148.
- Березанская, Гершкович 1983:** С.С. Березанская, Я.П. Гершкович, Андроновские элементы в срубной культуре на Украине. В сб.: (Отв. ред. Г. Б. Зданович) Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья (Челябинск 1983), 100-110.
- Березанська, Ключко 2011:** С.С. Березанська, В.І. Ключко, Гордіївський могильник. В сб.: (Ред. В.І. Ключко) Гордіївський могильник (Вінниця 2011), 7-113.
- Березанская, Шарафутдинова 1985:** С.С. Березанская, И.Н. Шарафутдинова, Сабатиновская культура. В: (Отв. ред. Д.Я. Телегин) Археология Украинской ССР. Том 1 (Киев 1985), 489-499.
- Беспалый 1997:** Г.Е. Беспалый, Андроновское погребение на Нижнем Дону. В сб.: (Отв. ред. В.Я. Кияшко) Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14 (Азов 1997), 99-101.
- Беспалый, Беспалый 2002:** Е.Н. Беспалый, Г.Е. Беспалый, Курганный могильник Мухин. В сб.: (Отв. ред. Л.С. Ильюков) Аксайские древности (Ростов-на-Дону 2002), 19-110.
- Бочкарёв 2010:** В.С. Бочкарёв, Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы (Санкт-Петербург 2010).
- Братченко, Шапошникова 1985:** С.Н. Братченко, О.Г. Шапошникова, Катакомбная культурно-историческая общность. В: (Отв. ред. Д.Я. Телегин) Археология Украинской ССР, том 1 (Киев 1985), 403-420.
- Бровендер 2012:** Ю.М. Бровендер, Степановское поселение срубной общности на Донецком кряже (Алчевск 2012).
- Ванчугов 1990:** В.П. Ванчугов, Белозёрские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Проблемы формирования белозёрской культуры (Киев 1990).
- Ванчугов 2000:** В.П. Ванчугов, Проблема погребального обряда сабастиновской культуры в Северо-Западном Причерноморье. В сб.: (Відп. ред. О.В. Сминтина) Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. Збірка наукових робіт, присвячена 135-річчю Одеського державного університету ім І.І. Мечнікова (Одеса 2000), 39-56.
- Ванчугов 2013:** В.П. Ванчугов, Сабатиновская культура. В: (Отв. ред. И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова), Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2013), 293-315.
- Волкобой 1980:** С.С. Волкобой, Срубные погребения с кубками в Днепровском левобережье. В сб.: (Отв. ред. И.Ф. Ковалёва) Курганы степного Поднепровья (Днепропетровск 1980), 69-75.
- Вязьмитина та ін. 1960:** М.І. Вязьмитина, В.А. Іллінська, С.В. Покровська, О.І. Тереножкін, Г.Т. Ковпаненко, Кургани біля с.Ново-Пилипівка і радгоспу «Аккермень». АП УРСР VIII, 1960, 32-33.
- Гершкович 1998:** Я.П. Гершкович, Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье – Северо-Восточное Приазовье – Подонцовье). Археологический альманах 7, 1998, 61-92.
- Городцов 1907а:** В.А. Городцов, Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, 1903 года. В сб.: (Ред. П.С. Уварова) Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе, том 1 (Москва 1907), 211-285.

- Городцов 1907б:** В.А. Городцов, Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губ., 1903 года. В сб.: (Ред. П.С. Уварова) Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе, том 1 (Москва 1907), 286-365.
- Гошкевич 1903:** В.И. Гошкевич, Клады и древности Херсонской губернии. Книга 1 (Херсон 1903).
- Гошко, Агапов, Отрощенко 2018:** Т.Ю. Гошко, С.А. Агапов, В.В. Отрощенко, Металеві клепані казани з Великого Степу за доби пізньої бронзи (Київ 2018).
- Дегтярёва и др. 2020:** А.Д. Дегтярёва, С.В. Кузьминых, В.Г. Ломан, И.А. Кукушкин, А.И. Кукушкин, Е.А. Дмитриев, Цветной металл раннеалакульской (петровской) культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана. Поволжская археология 1 (31), 2020, 98-116.
- Денисова и др. 1985:** Р.Я. Денисова, Я.Я. Граудонис, Р.У. Гравере, Кивуткалнский могильник эпохи бронзы (Рига 1995).
- Дергачёв 1986:** В.А. Дергачёв, Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Анализ и характеристика культурных групп) (Кишинев 1986).
- Дмитриев 2018:** Е.А. Дмитриев, Фёдоровская культура эпохи бронзы (проблема терминологии). В сб.: (Пред. редкол. А.А. Выборнов) XXI Уральское археологическое совещание, посвящённое 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, 8-11 октября 2018 г. (Самара 2018), 104-106.
- Епимахов и др. 2019:** А.В. Епимахов, М.Н. Анкушев, Н.А. Берсенева, А.А. Воронков, В.В. Зайков, Е.В. Куприянова, А.И. Нечвалода, И.А. Семьян, И.В. Чечушков, А.М. Юминов, Южный Урал в начале эпохи металлов. Бронзовый век. История Южного Урала: в 8 т. Том 2 (Челябинск 2019).
- Зданович 1988:** Г.Б. Зданович, Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (Свердловск 1988).
- Иванова 2013:** С.В. Иванова, Катакомбные культуры. В: (Отв. ред. И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова) Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2013), 255-275.
- Ильюков 2013:** Л.С. Ильюков, Кубок на поддоне бронзового века из Нижнего Подонья. В сб.: (Отв. ред. И.И. Марченко) Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции (Краснодар 2013), 156-159.
- Киселёв 1962:** С.В. Киселёв, Некоторые вопросы истории первобытного общества. КСИА 88, 1962, 3-9.
- Козловська 1930:** В. Козловська, Бронзові прикраси з давнього поховання на терені заповідника ім. акад. Заболотного (с. Чоботарка, Тульчинської окр.). Хроніка археології та мистецтва 2, 1930, 31-34.
- Ковалёва 1981:** И.Ф. Ковалёва, Стратифицированные срубные курганы Приорелья. В сб.: (Отв. ред. И.Ф. Ковалёва) Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках (Днепропетровск 1981), 77-84.
- Ковалёва, Волкобой 1976:** И.Ф. Ковалёва, С.С. Волкобой, Новые памятники маевского типа срубной культуры. В сб.: (Ред. Н.С. Однороженко, Н.В. Туренко) Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения (Днепропетровск 1976), 52-62.
- Ковальова, Волкобой 1976:** И.Ф. Ковальова, С.С. Волкобой, Маївський локальний варіант зрубної культури. Археологія 20, 1976, 3-22.
- Ковалёва и др. 1977:** И.Ф. Ковалёва, С.С. Волкобой, З.П. Марина, В.А. Лихачев, В.А. Попцов, Исследование курганных могильников у с. Верхняя Маевка в степном междуречье Орели и Самары. В сб.: (Отв. ред. И.Ф. Ковалёва) Курганные древности Степного Поднепровья III-I тыс. до н.э. (Днепропетровск 1977), 8-114.
- Ковалёва и др. 1978:** И.Ф. Ковалёва, С.С. Волкобой, В.И. Костенко, В.Н. Шалобудов, Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы учхоза „Самарский” (Днепропетровского сельскохозяйственного института). В сб.: (Отв. ред. И.Ф. Ковалёва) Курганные древности степного Поднепровья III-I тыс. до н.э. Вып. 2 (Днепропетровск 1978), 4-31.
- Ковалёва и др. 1981:** И.Ф. Ковалёва, В.А. Ромашко, И.В. Чернявская, А.М. Христан, Раскопки курганных могильников бронзового века степного Приорелья. В сб.: (Отв. ред. И.Ф. Ковалёва) Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках (Днепропетровск 1981), 19-44.
- Колев 1991:** Ю.И. Колев, Новый тип памятников конца эпохи бронзы в Лесостепном Поволжье. В сб.: (Отв. ред. Н.Я. Мерперт) Древности восточно-европейской лесостепи (Самара 1991), 162-206.
- Колев 2000:** Ю.И. Колев, Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье. В сб.: (Глав. ред. П.С. Кабытов) История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век (Самара 2000), 242-301.
- Колев 2008:** Ю.И. Колев, Ивановская культура позднего бронзового века: характеристика культуры и проблемы исследования. В сб.: (Отв. ред. Д.А. Сташенков). Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья (Самара 2008), 208-240.
- Косарев 1965:** М.Ф. Косарев, О культурах андроновского времени в Западной Сибири. Советская археология 2, 1965, 242-246.

- Косарев 1981:** М.Ф. Косарев, Бронзовый век Западной Сибири (Москва 1981).
- Косарев 1987:** М.Ф. Косарев, Второй период развития бронзового века Западной Сибири (андроновская эпоха). В: (Ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев) Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР (Москва 1987), 276-304.
- Косарев 2005:** М.Ф. Косарев, Андроновская культура. В: (Глав. ред. Ю.С. Осипов) Большая российская энциклопедия, том 1 (Москва 2005), 741. Электронная версия (2016); URL: <https://old.bigenc.ru/archeology/text/1823285> Дата обращения: 13.02.2024.
- Косіков, Кравець 1993:** В.А. Косіков, Д.П. Кравець, Розкопки курганів на терені Донеччини. В: (Ред. Д.Н. Козак та ін.) Археологічні дослідження на Україні 1992 року (Київ 1993), 76-77.
- Кривцова-Гракова 1955:** О.А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА 46 (Москва 1955).
- Крывальцэвіч 2006:** М.М. Крывальцэвіч, Праблемы перыядызацыі і храналогіі эпохі бронзы на тэрыторыі Паўднёвай Беларусі. Гістарычна-археалагічны зборнік 22, 2006, 39-52.
- Кузьмина 1986:** Е.Е. Кузьмина, Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня (Фрунзе 1986).
- Кузьмина 1987:** Е.Е. Кузьмина, О западных связях андроновских племен. В сб.: (Отв. ред. И.И. Артеменко) Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины (Киев 1987), 48-69.
- Кузьмина 2008:** Е.Е. Кузьмина, Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности (Актобе 2008).
- Кузьминых 2016:** С.В. Кузьминых, Сусканская культура. В: (Глав. ред. Ю.С. Осипов) Большая российская энциклопедия. Том 31 (Москва 2016), 457. Электронная версия (2017); URL: <https://old.bigenc.ru/archeology/text/4174768> Дата обращения: 11.02.2024.
- Кузьминых 2017:** С.В. Кузьминых, Черкаскульская культура. В: (Глав. ред. Ю.С. Осипов) Большая российская энциклопедия. Том 34 (Москва 2017), 456. Электронная версия (2019); URL: <https://old.bigenc.ru/archeology/text/4682281> Дата обращения: 08.02.2024.
- Куриленко, Отрощенко 1998:** В.Є. Куриленко, В.В. Отрощенко, Динаміка культурних змін за доби бронзи у Мезинському мікрорайоні на Десні. Археологія 1, 1998, 46-56.
- Литвиненко 1991:** Р.А. Литвиненко, К вопросу о погребальном обряде сабашиновской культуры. В сб.: (Отв. ред. Е.В. Яровой) Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. - V в. н.э.). Материалы международ. конф., Кишинёв 10-14 декабря 1990 г. (Киев 1991), 131-133.
- Литвиненко 1994:** Р.А. Литвиненко, Срубная культура бассейна Северского Донца (по материалам погребальных памятников): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.04 (Киев 1994). Научный архив ИА НАНУ, фонд 12, № 750.
- Литвиненко 1999:** Р.А. Литвиненко, Периодизация срубных могильников северо-восточного Приазовья. В сб.: (Науч. ред. А.Д. Пряхин) Древности Северо-Восточного Приазовья (Донецк 1999), 4-23.
- Литвиненко 2011:** Р.О. Литвиненко, Інгульська посткатакомбна спадщина Криму і Нижньої Наддніпряниці. Археологічний альманах 25, 2011, 28-45.
- Лысенко 1998:** С.Д. Лысенко, Результаты исследования могильника Малополовецкое-3 на Киевщине в 1993-1997 годах. В сб.: (Red. A. Koško, J. Czebreszuk) „Trzciniec” – system kulturowy czy interkulturowy proces (Poznań 1998), 95-117.
- Лысенко 2003:** С.Д. Лысенко, Могильник эпохи бронзы в урочищах Бабина Гора – Дедов Шпиль у с. Бучак под Каневом. Vita Antiqua 5-6, 2003, 60-71.
- Лысенко 2006:** С.Д. Лысенко, Кубки маёвского типа из Среднего Поднепровья. В сб.: (Отв. ред. А.Н. Бесуднов) Археологическое изучение Центральной России. Тезисы международ. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка (Липецк, 13-16 ноября 2006 г.) (Липецк 2006), 181-183.
- Лысенко 2013:** С.Д. Лысенко, Великобугаёвский могильник и памятники эпохи бронзы - раннего железного века у с. Великая Бугаёвка. В: (О.В. Петраускас, Р.Г. Шишкин) Могильник и поселение черняховской культуры у с. Великая Бугаёвка (археологический источник). ОІУМ 2 (Киев 2013), 389-405.
- Лысенко 2015:** С.Д. Лысенко, К вопросу о культурной принадлежности Гордеевского могильника. Stratum plus 2, 2015, 207-230.
- Лысенко, Лысенко 2019:** С.Д. Лысенко, С.С. Лысенко, Ритуально-погребальный комплекс №17 Малополовецкого могильника эпохи поздней бронзы. Археологическое наследие 2, 2019, 114-141.
- Лысенко, Разумов 2014:** С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, К вопросу о контактах населения Нижнего и Среднего Поднепровья в первой половине 2 тыс. до н.э. Русин 2 (36), 2014, 8-28.
- Лысенко и др. 2015:** С.Д. Лысенко, Е.И. Шкляревский, С.Н. Разумов, С.С. Лысенко, Курганный могильник комаровской культуры у с. Буковна (результаты исследований 2010-2013 гг.). Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма 7, 2015, 11-49.

- Лысенко и др. 2020:** С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Погребение тшинецкого культурного круга с сосудом малополовецкого типа на левобережье Нижнего Днестра. *Stratum plus* 2, 2020, 155-174.
- Лысенко и др. 2021:** С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, С.С. Лысенко, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Погребения эпохи поздней бронзы из курганов групп „ДОТ”, „Сад”, „Водовод” у с. Глиное на левом берегу Нижнего Днестра. *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья* 13, 2021, 164-201.
- Лысенко и др. 2023а:** С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, В.С. Синика, С.С. Лысенко, Н.П. Тельнов, Могильник сабастиновской культуры в кургане 3 группы „Рыбхоз” у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. *Stratum plus* 2, 2023, 361-386.
- Лысенко и др. 2023б:** С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, С.С. Лысенко, Н.П. Тельнов, Погребения позднего бронзового века из курганов в верхнем течении р. Красная на Нижнем Днестре (по результатам исследований 2013-2022 гг.). *Tyragetia s.n.* XVII/1, 2023, 161-193.
- Лысенко и др. 2023в:** С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Погребения эпохи поздней бронзы из курганов группы «Плавни» у с. Глиное на левом берегу Нижнего Днестра. *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья* 15, 2023, 13-41.
- Лысенко и др. 2024:** С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Погребения эпохи поздней бронзы из курганов группы «Клин» у с. Глиное на левом берегу Нижнего Днестра. *Stratum plus* 2, 2024, в печати.
- Максименков 1978:** Г.А. Максименков, Андроновская культура на Енисее (Ленинград 1978).
- Матвеев 1998:** А.В. Матвеев, Первые андроновцы в лесах Зауралья (Новосибирск 1998).
- Матвишина и др. 2016:** Ж.Н. Матвишина, А.Г. Пархоменко, С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, Н.П. Тельнов, В.С. Синика, Палеопедологические исследования курганов у с. Глиное. *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма* 8, 2016, 11-45.
- Маргулан и др. 1966:** А.Х. Маргулан, К.А. Акишев, М.К. Кадырбаев, А.М. Оразбаев, Древняя культура Центрального Казахстана (Алма-Ата 1966).
- Маргулан 1979:** А.Х. Маргулан, Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана (Алма-Ата 1979).
- Монгайт 1974:** А.Л. Монгайт, Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века (Москва 1974).
- Обыденнов, Шорин 1995:** М.Ф. Обыденнов, А.Ф. Шорин, Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (Екатеринбург 1995).
- Отрощенко 1977:** В.В. Отрощенко, Катакомбные и срубные курганы в окрестностях с. Балки. В сб.: (Ред. В.И. Бидзиля) *Курганные могильники Рясные могилы и Носаки* (Киев 1977), 5-15.
- Отрощенко 2001:** В.В. Отрощенко, Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення) (Київ 2001).
- Отрощенко 2005:** В.В. Отрощенко, Эпоха енеоліту-бронзи. В: (Ред. Л.Л. Залізник). *Археологія України: Курс лекцій: Навч. посібник* (Київ 2005), 106-202.
- Отрощенко, Рассамакін 1997:** В.В. Отрощенко, Ю.Я. Рассамакін, З приводу культурної належності комплексів лобойківсько-дербеденівської зони металообробки. В сб.: *Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязи Востока и Запада в эпоху поздней бронзы. Тезисы докладов* (Киев, Николаев, Южноукраинск 1997), 23-25.
- Отрощенко, Савовский, Томашевский 1977:** В.В. Отрощенко, И.П. Савовский, В.А. Томашевский, Курганная группа «Рясные могилы» у с. Балки. В сб.: (Ред. В.И. Бидзиля) *Курганные могильники Рясные могилы и Носаки* (Киев 1977), 16-60.
- Отрощенко, Формозов 1988:** В.В. Отрощенко, А.А. Формозов, К проблеме письменности у племен Северного Причерноморья в эпоху раннего металла. *Studia Praehistorica* 9, 1988, 147-178.
- Отрощенко, Шарафутдінова 2018:** В.В. Отрощенко, І.М. Шарафутдінова, Курган № 3 біля с. Степове – еталонний комплекс заключної фази доби пізньої бронзи. *Магістеріум. Археологічні студії* 70, 2018, 50-58.
- Поляков, Святко 2019:** А.В. Поляков, С.В. Святко, Новые данные по радиоуглеродной хронологии эпохи бронзы Минусинской котловины. В сб.: (Отв. ред. А.В. Поляков, Е.С. Ткач) *Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции (18-22 ноября 2019, Санкт-Петербург)*. Том. II: Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV-I тыс. до н.э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В.С. Бочкарёва (Санкт-Петербург 2019), 18-20.

- Потёмкина 1983:** Т.М. Потёмкина, Алакульская культура. Советская археология 2, 1983, 13-33.
- Потёмкина 1985:** Т.М. Потёмкина, Бронзовый век лесостепного Притоболья (Москва 1985).
- Пустовалов 2005:** С.Ж. Пустовалов, Соціальний лад катакомбного суспільства Північного Причорномор'я (Київ 2005).
- Разумов 2017:** С.Н. Разумов, Памятники катакомбных культур на реке Красная (левобережье Нижнего Днестра). В сб.: (Отв. ред. А.А. Пригарин) Человек в истории и культуре: мемориальный сб. науч. работ в память лауреата Гос. премии Украины, акад. РАЕН, проф., д-ра ист. наук, Владимира Никифоровича Станко. Выпуск 3 (Одесса 2017), 257-265.
- Разумов, Лысенко 2020а:** С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, Древнейшее курганное золото Нижнего Поднепровья как индикатор межкультурных связей. Русин 59, 2020, 21-35.
- Разумов, Лысенко 2020б:** С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, Уникальный колчаный набор раннего бронзового века из Северо-Западного Причерноморья. В сб.: (Ред. С.В. Д'ячков) Проблеми історії та археології України: тези доповідей XII Міжнародної наукової конференції, присвяченої 125-річчю Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна (Харків, листопад 2020) (Харків 2020), 15-16.
- Разумов и др. 2013:** С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, Курганы эпохи бронзы могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. Stratum plus 2, 2013, 297-340.
- Разумов и др. 2019:** С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Курган бронзового века №2 группы «ДОТ» у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. Journal of Archaeology, Anthropology and Interdisciplinary Studies. Revista de arheologie, antropologie si studii iterdisciplinare 1, 2019, 123-148.
- Разумов и др. 2022:** С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, Н.П. Тельнов, В.С. Синика, Сосуд с пиктограммами начала позднего бронзового века из Северо-Западного Причерноморья. В сб.: (Глав. ред. А. Онгар) Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V Международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11 - 14 октября 2022 г.), в 5-ти т., том 1 (Алматы, Туркестан 2022), 237-245.
- Ромашко 2013:** В.А. Ромашко, Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозёрской культуры) (Киев 2013).
- Рындина, Дегтярёва 2002:** Н.В. Рындина, А.Д. Дегтярёва, Энеолит и бронзовый век (Учебное пособие по курсу „Основы археологии”) (Москва 2022).
- Савва 1992:** Е.Н. Савва, Культура многоваликовой керамики Пруто-Днестровского междуречья (Кишинев 1992).
- Сальников 1948:** К.В. Сальников, К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья. В сб.: (Отв. ред. Р.В. Мерцлин) Первое Уральское археологическое совещание при Молотовском университете, 20-25 апр. 1947 г. (Молотов 1948), 21-26.
- Сальников 1951:** К.В. Сальников, Бронзовый век Южного Зауралья. МИА 21, 1951, 94-151.
- Сальников 1967:** К.В. Сальников, Очерки древней истории Южного Урала (Москва 1967).
- Стоколос 1972:** В.С. Стоколос, Культура населения бронзового века Южного Зауралья. (Москва 1972).
- Синика и др. 2021:** В.С. Синика, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, Курган 16 группы «Водовод» в Нижнем Поднепровье. Tuzagetia s.n. XV/1, 2021, 239-296.
- Смирнов 1997:** Ю.А. Смирнов, Морфология преднамеренного погребения (Москва 1997).
- Тельнов, Четвериков, Синика 2016:** Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, В.С. Синика, Скифский могильник III-II вв. до н.э. у с. Глиное (Тирасполь 2016).
- Тельнов и др. 2014:** Н.П. Тельнов, С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, В.С. Синика, Работы совместной приднестровско-украинской экспедиции. В сб.: (Гол. ред. Д.Н. Козак) Археологічні дослідження в Україні 2013 (Київ 2014), 329-330.
- Тельнов та ін. 2015:** М.П. Тельнов, С.М. Разумов, С.Д. Лысенко, В.С. Синика, Роботи придністровсько-української археологічної експедиції (попередні результати досліджень 2012-2013 рр.). В сб.: (Гол. ред. Ю.В. Болтрик) Археологічні дослідження в Україні 2014 (Київ 2015), 307-311.
- Теплоухов 1929:** С.А. Теплоухов, Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении). Материалы по этнографии IV, вып. 2, 1929, 41-62. URL: <https://studfile.net/preview/16721049/> Дата обращения: 13.02.2024.
- Тереножкін 1960:** О.І. Тереножкін, Кургани в долині р. Молочної. Археологічні пам'ятки УРСР VIII, 1960, 3-16.
- Фабріціус 1927:** І.В. Фабріціус, Червоні роки 1917-1927. Літопис музею 8 (Херсон 1927).
- Фёдорова-Давыдова 1964:** Э.А. Фёдорова-Давыдова, К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье. Археология и этнография Башкирии 2, 1964, 84-92.

- Фокеев и др. 1995:** М.М. Фокеев, М.Б. Шукин, Н.Д. Руссев, Отчет о раскопках в Измаильском районе Одесской области (поселение Суворово IX; Троянов Вал; курган в ур. Кале) (Киев 1995). Научный архив ИА НАНУ. № 1995/56.
- Фокеев и др. 1996:** М.М. Фокеев, Н.Д. Руссев, К. Рандсборг, М.Б. Шукин, Отчёт о раскопках Славяно-сарматской экспедиции в окрестностях с. Суворово в 1995 г. (Одесса 1996). Архив Одесского археологического музея.
- Цимиданов 2004:** В.В. Цимиданов, Социальная структура срубного общества (Донецк 2004).
- Черниенко 2014:** Ю.А. Черниенко, Сабатиновская культура в системе древностей бронзового века юга Восточной Европы. *Stratum plus* 2, 2014, 15-112.
- Черников 1960:** С.С. Черников, Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА 88 (Москва, Ленинград 1960).
- Черных 1983:** Е.Н. Черных, Проблема общности культур валиковой керамики. В сб.: (Отв. ред. Г.Б. Зданович). Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья (Челябинск 1983), 81-99.
- Черняков 1985:** И.Т. Черняков, Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н.э. (Киев 1995).
- Шарафутдинова 1968:** И.Н. Шарафутдинова, К вопросу о сабатиновской культуре. Советская археология 3, 1968, 19-34.
- Шарафутдинова 1982:** И.Н. Шарафутдинова, Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы (Киев 1982).
- Шарафутдинова 1986:** И.Н. Шарафутдинова, Сабатиновская культура. В: С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, Н.Н. Чередниченко, И.Н. Шарафутдинова, Культуры эпохи бронзы на территории Украины (Киев 1986), 83-116.
- Шибанова 2023а:** Д.А. Шибанова, Восточные (андроноидные) элементы в позднесрубной керамике Нижнего Подонья, Левобережной Украины и Поднепровья. В: (Отв. ред. В.Е. Родинкова). Новые материалы и методы археологического исследования: история VS источниковедение. Материалы VII Конференции молодых учёных (Москва 2023), 62-66.
- Шибанова 2023б:** Д.А. Шибанова, Срубная культура эпохи бронзы Нижнего Подонья (проблемы хронологии и происхождения). Выпускная квалификационная работа. Направление: 46.00.00 «История» (Санкт-Петербург 2023) URL: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/42199>. Дата обращения 07.02.2024.
- Яровой 1984:** Е.В. Яровой, Работы Слободзейской экспедиции. В сб.: (Отв. ред. Б.А. Рыбаков) Археологические открытия 1982 года (Москва 1984), 417-418.
- Яровой 1990:** Е.Н. Яровой, Курганы энеолита – эпохи бронзы Нижнего Поднепровья (Кишинёв 1990).
- Яровий, Агульников 1995:** Є.В. Яровий, С.М. Агульников, Курган білозерського часу біля с. Глинне в Нижньому Подністров'ї. Древности Северного Причерноморья и Крыма V, 1995, 181-184.
- Burtănescu 2002:** F. Burtănescu, About a group of “outstretched” burials with Middle Bronze Age grave goods in south-eastern Romania. В сб.: (Отв. ред. Е.В. Яровой) Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. - V в. н.э.: матер. Междунар. археол. конф. (Тирасполь 2002), 157-163.
- Ciobanu, Agulnicov 2016:** I. Ciobanu, S. Agulnicov, Complexele funerare atribuite culturii Sabatinovka din Tumulul 9 de la Crihana Veche. *Revista Arheologică s.n.* XII/1-2, 2016, 227-236.
- Florek, Taras 2003:** M. Florek, H. Taras, Dacharzów. Cmentarzysko kultury trzcinieckiej (Lublin 2003).
- Gardawski 1959:** A. Gardawski, Plemiona kulturi trzcinieckiej w Polsce. *Materiały Starożytne* V, 1959, 7-189.
- Górski, Lysenko, Makarowicz 2003:** J. Górski, S. Lysenko, P. Makarowicz, Radiocarbon chronology of the Trzciniec Cultural Circle between the Vistula and Dnieper basins. *Baltic-Pontic Studis* 12, 2003, 253-306.
- Górski, Makarowicz 2012:** J. Górski, P. Makarowicz, Nowe datowania radiowęglowe kurhanów i grobów beznasypowych trzcinieckiego kręgu kulturowego z Małopolski i Wielkopolski (New radiocarbon datings of the barrows and lat burials of the Trzciniec cultural circle rom Małopolska and Wielkopolska). В сб.: (Red. W. Blajer) *Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae* (Kraków 2012), 331-340.
- Kovalyukh et al. 1998:** N. Kovalyukh, V. Skripkin, V. Klochko, S. Lysenko, Absolute (radiocarbon) chronology of the eastern trzciniec culture in the Dnieper basin (the Malopolovetske burial site). *Baltic-Pontic studies* 6, 1998, 130-140.
- Machnik 1978:** J. Machnik, Wczesny okres epoki brązu. In: Hensel W. (red.). *Prahistoria Ziemi Polskich*. Tom III (Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdansk 1978), 9-136.
- Makarowicz 2019:** P. Makarowicz, Dom zmarłych z kurhanu 6 w Bukivnej. Z badań nad architekturą podkurhanową w gornodniestrzańskiej enklawie kultury komarowskiej. В сб.: (Red. M. Szmyt i in.). *Vir Bimaris. Od kujawskiego matecznika do stepów nadczarnomorskich*. *Studia z dziejów międzymorza bałtycko-pontyjskiego ofiarowane Profesorowi Aleksandrowi Koško* (Poznań 2019), 737-753.

- Müller-Karpe 1980:** H. Müller-Karpe, *Bronzezeit (Dritter teilband, tafeln). Handbuch der vorgeschichte IV* (München 1980).
- Sava, Agulnikov 2003:** E. Sava, S. Agulnikov, *Contribuții noi la definirea ritului funerar de tip Sabatinovka*. В сб.: (Red. E. Sava) *Interferențe cultural-cronologice în spațiul Nord-Pontic* (Chișinău 2003), 113-138.
- Sulimirski 1968:** T. Sulimirski, *Corded ware and globular amphorae North-East of the Carpathians* (London 1968).
- Swieszniak 1967:** I.K. Swieszniak, *Kultura komarowska*. *Archeologia Polski XII/1*, 39-107.
- Taras 1998:** H. Taras, *Podstawy taxonomii kultury trzcinieckiej w srodkowowschodniej Polsce*. В сб.: (Red. A. Koško, J. Czebreszuk) *“Trzciniec” – system kulturowy czy interkulturowy proces* (Poznań 1998), 75-86.
- Vernescu 2013:** M. Vernescu, *Bărăganul în preistorie (circa 3500-1200 a. Chr.). Perioada de tranziție de la Eneolitic la Epoca Bronzului și Epoca Bronzului* (Brăila 2013).

Morminte din epoca bronzului târziu din tumulul 5 al grupului „Sever” de lângă satul Glinoe, de pe malul stâng al Nistrului Inferior

Cuvinte-cheie: nord-vestul Mării Negre, regiunea Nistrului, epoca bronzului târziu, tumuli, morminte, vase în formă de cupă.

Rezumat: Publicația este dedicată materialelor provenite din înmormântările din epoca bronzului târziu, descoperite în tumulul 5 al grupului „Sever” din apropierea satului Glinoe, raionul Slobozia. Situl este situat pe malul stâng al Nistrului de Jos, la vest de Kremennaia Balka. Movila a fost ridicată într-o singură etapă, în epoca mijlocie a bronzului, peste înmormântarea principală (nr. 3), atribuită culturii înmormântărilor în catacombe, varianta Ingul. Ulterior, la sud de centrul movilei, a fost efectuată înmormântarea nr. 1, atribuită culturii Babino, varianta Nipru-Prut. Urmează înmormântarea 2, datată în perioada culturii Sabatinovka, care a întretăiat groapa mormântului principal. Iar în perioada scitică, mantaua tumulului a fost înconjurată cu un șanț.

Mormântul 1 este tipic pentru cultura Babino, varianta Nipru-Prut. Acesta poate fi considerat drept referință pentru grupul dat, defunctul fiind depus puternic ghemuit, orientat cu capul în sectorul estic, cu mâinile plasate în zona capului/feței și având vasul în partea superioară a corpului. Conform rezultatelor datării cu radiocarbon, înmormântarea se încadrează complet în intervalul existenței culturii Babino, varianta Nipru-Prut – secolele XX-XVIII a. Chr.

Mormântul 2 este mai puțin obișnuit pentru epoca târzie a bronzului din regiunea de nord-vest a Mării Negre. Persoana înmormântată zăcea întinsă pe spate, cu capul spre est, fiind însoțită de un vas/cupă pe un picior conic gol și de fragmente de oase tubulare ale unui animal mic. Decorul cupei are caracteristici orientale pronunțate (Andronoid, Fedorov-Cherkaskul). Pentru înmormântare au fost obținute două date radiocarbon, permițând datarea acesteia în secolele XV-XIV a. Chr. și atribuită perioadei culturii Sabatinovka dezvoltate. În momentul de față, mormântul 2 (Glinoe/Sever 5/2) este cel mai vestic punct de distribuție al vaselor în formă de cupă cu picior cu trăsături estice (androide) pe teritoriul *Mării Stepe* și în regiunile adiacente din spațiul dintre Nistru și Enisei. Rezultatele datării cu radiocarbon nu contrazic datarea analogiilor existente ale ceramicii similare, permițându-ne, în același timp, să vorbim despre pătrunderea ei destul de timpurie departe spre vest.

Lista ilustrațiilor:

- Fig. 1. Localizarea siturilor arheologice din preajma localității Glinoe.
- Fig. 2. Planul amplasării siturilor arheologice din preajma localității Glinoe.
- Fig. 3. Tumulul 5 al grupului „Sever” de lângă satul Glinoe.
- Fig. 4. Mormântul 1, tumulul 5 al grupului „Sever”.
- Fig. 5. Mormântul 2, tumulul 5 al grupului „Sever”.
- Fig. 6. Vase din mormântul 2, tumulul 5 al grupului „Sever”.
- Fig. 7. Date radiocarbon calibrate din mormintele epocii bronzului târziu din tumulul 5 al grupului „Sever”: 1 - Glinoe/Sever 5/1 (Ki-20653); 2 - Glinoe/Sever 5/2 (Ki-20655); 3 - Glinoe/Sever 5/2 (Ki-20657).
- Fig. 8. Harta distribuției ceștilor/cupelor cu picior în spațiul dintre Nipru și Enisei (după Шибанова 2023б, рис. 52).
- Fig. 9. Cești/cupe cu picior din nordul Mării Negre: 1 - Glinoe/Sever 5/2; 2 - Stepovoe 3/1; 3 - Akkermen I 9/2; 4 - Aleksandrovka I 7/1; 5 - Dmukhailovka X 1/2; 6 - Verkhnyaya Mayovka II 3/1; 7 - Visokoe 6/1; 8 - Spasskoe XIV 4/2; 9 - Balki/Ryasnie Mogili 7/2; 10 - Pryadovka VII 2/1; 11 - Pryadovka VII 3/4; 12 - Spasskoe XIV 8/1.
- Fig. 10. Cești/cupe cu picior din nordul Mării Negre: 1, 3 - nord-estul Mării Azov; 2 - Mukhin II 8/13; 4 - Kapitanovo; 5 - Bukovna I, tumulul 3 (2012); 6 - Muzeul Mariupol; 7 - Rudnichnaya/Bliznyata 33/1; 8 - Muzeul NovoCherkassk; 9 - Malaya Bugayovka-3; 10, 13 - Malopolovetskoe-3, complexul 2; 11 - Abakumy-1; 12 - Chkalovo 1/1; 14 - Malopolovetskoe-3, complexul 17; 15 - Ternovoe 1/1.

Late Bronze Age graves from barrow 5 of the “Sever” group near Glinoe village on the left bank of the Lower Dniester

Keywords: North-West Black Sea region, Dniester Region, Late Bronze Age, barrows, graves, pottery, goblet-shaped vessels.

Abstract: The paper deals with materials from Late Bronze Age graves discovered in barrow 5 of the “Sever” group near Glinoe village, Slobodzeya district. The site is located on the left bank of the Lower Dniester, west of the watered Kremennaya Balka. The barrow was erected in one step in the Middle Bronze Age over the main burial (No. 3) of the Ingul Catacomb culture. Grave No. 1 of the Dnieper-Prut Babino culture was made later to the south of the center of the mound. Burial No. 2, dating back to the Sabatinovka time was the latest grave. It was made at the center of the mound, covering the entrance well of the main grave. The mound was surrounded by a ditch in Scythian times.

Grave Glinoe/Sever 5/1 is typical of the Dnieper-Prut Babino culture of the microregion. In fact, it can be considered as a reference for a ritual group of strongly crouched burials, with the head resting to the east, with the position of the hands in the head/face area and with the placement of the vessel in front of the upper part of the body. The grave completely fits into the main interval of the existence of the Dnieper-Prut Babino culture – the 20th - 18th centuries BC according to the results of radiocarbon dating.

Burial Glinoe/Sever 5/2 is quite unusual for the Late Bronze Age of the North-West Black Sea region. The buried person lies stretched out on his back, with his head to the east. The burial was accompanied by a bowl/goblet on a hollow conical foot and fragments of tubular bones of a small animal. The ornamentation of the cup has pronounced oriental (Andronoid, Fedorov-Cherkaskul) features. Two radiocarbon dates were obtained for the grave allowing it to be dated within the 15th - 14th centuries BC and attributed to the time of the developed Sabatinovka culture. Now, Glinoe/Sever 5/2 is the westernmost point of distribution of goblet-shaped vessels on a foot with eastern (Andronoid) features on the territory of the Great Steppe and adjacent regions in the space between the Dniester and Yenisei. The results of radiocarbon dating do not contradict the dating of existing analogues of similar ceramics, while allowing us to speak about its fairly early penetration far to the west.

List of illustrations:

Fig. 1. Location of the archaeological sites near Glinoe village.

Fig. 2. Plan of the archaeological sites near Glinoe village.

Fig. 3. Barrow 5 of the “Sever” group near Glinoe village.

Fig. 4. Grave 1 of barrow 5 of the “Sever” group.

Fig. 5. Grave 2 of barrow 5 of the “Sever” group.

Fig. 6. Vessel from the grave 2 of barrow 5 of the “Sever” group.

Fig. 7. Calibrated radiocarbon dates of Late Bronze Age graves from barrow 5 of the “Sever” group: 1 - Glinoe/Sever 5/1 (Ki-20653); 2 - Glinoe/Sever 5/2 (Ki-20655); 3 - Glinoe/Sever 5/2 (Ki-20657).

Fig. 8. Distribution map of the Late Bronze Age bowls/goblets on foot between Dnieper and Yenisei (after Шибанова 2023б, рис. 52).

Fig. 9. Bowls/goblets on foot from the North Black Sea region: 1 - Glinoe/Sever 5/2; 2 - Stepovoe 3/1; 3 - Akkermen I 9/2; 4 - Aleksandrovka I 7/1; 5 - Dmukhailovka X 1/2; 6 - Verkhnyaya Mayovka II 3/1; 7 - Visokoe 6/1; 8 - Spasskoe XIV 4/2; 9 - Balki/Ryasnie Mogili 7/2; 10 - Pryadovka VII 2/1; 11 - Pryadovka VII 3/4; 12 - Spasskoe XIV 8/1.

Fig. 10. Bowls/goblets on foot from the North Black Sea region: 1, 3 - North-Eastern Azov region; 2 - Mukhin II 8/13; 4 - Kapitanovo; 5 - Bukovna I, barrow 3 (2012); 6 - Mariupol Museum; 7 - Rudnichnaya/Bliznyata 33/1; 8 - Novocherkassk Museum; 9 - Malaya Bugayovka-3; 10, 13 - Malopolovetskoe-3, complex 2; 11 - Abakumy-1; 12 - Chkalovo 1/1; 14 - Malopolovetskoe-3, complex 17; 15 - Ternovoe 1/1.

18.03.2024

Др. Сергей Д. Лысенко, Институт археологии Национальной Академии наук Украины, пр. Володимира Ивасюка 12, 04210, Киев, Украина, <https://orcid.org/0000-0001-9624-0364>, e-mail: suragangai@gmail.com

Др. Сергей Н. Разумов, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, ул. 25 Октября, 128, 3300 Тирасполь, <https://orcid.org/0000-0001-6030-9390>, e-mail: razum_22@mail.ru

Др. хаб. Виталий С. Синика, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, ул. 25 Октября, 128, 3300 Тирасполь, <https://orcid.org/0000-0002-1621-9205>, e-mail: sinica80@mail.ru